

ГЕРОИЧЕСКАЯ



ФАНТАСТИКА

МОСКОВИТ

ИГРА НА ВЫЖИВАНИЕ



АНТОН
СКРИПЕЦ

Героическая фантастика

Антон Скрипец

Московит. Игра на выживание

«Махров»

2021

УДК 94
ББК 63.3(0)

Скрипец А. Н.

Московит. Игра на выживание / А. Н. Скрипец — «Махров»,
2021 — (Героическая фантастика)

ISBN 978-5-04-122852-1

Спасти юную красавицу-княжну, разоблачить государственный заговор, стать участником штурма мощной крепости и с саблей наголо вломиться на коне в строй вражеской рати – всё это замечательно, если ты геймер, проводящий тестирование новейшего квеста, основанного на исторических событиях XVI века – войне Московского княжества с польско-литовским союзом. Но через некоторое время тестировщик, бывший майор ВДВ Российской Федерации Денис Насонов, начинает понимать, что вокруг него не виртуальная реальность, а «настоящее прошлое», в котором уже взят Смоленск и впереди битва под Оршей. «Горячие клавиши» выхода игры не работают, и поэтому добираться до финала придется своим ходом. Сумеет ли Денис пройти длинный путь, на котором его ждут кровь, предательство и плаха?

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-04-122852-1

© Скрипец А. Н., 2021
© Махров, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Антон Николаевич Скрипец

Московит. Игра на выживание

© Скрипец А.Н., 2021

© ООО «Издательство «Яуза», 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Из всей животины в хutorке осталась только одна, зато до ломоты в зубах надоедливая шавка. Она кидалась под копыта чуть ли не каждого коня, захлебываясь от очумелого, переходящего в хрип и чудом не выворачивающего ее наизнанку лая. Ротмистр Торунский очень сильно подозревал, что и хозяевам своим она наскучила так, что оставили ее здесь нарочно. Чтобы какой-нибудь чужак между делом наступил на башку. Чего, кстати, едва не сделал Стась.

– А ну, пшла! – гаркнул он, махнув разбитым сотней походов сапогом в сторону дворяниного зада. Здоровяк в мятом, будто пожеванном, жупане вышел из покосившегося сарая с серыми стенами, а появления внезапной опасности с тыла псина не ожидала. Но, надо отдать должное ее сноровке и, видимо, горькому жизненному опыту, быстро в изменившихся обстоятельствах сориентировалась – тонко привзвизгнув, поджала хвост и бурой тенью метнулась к ближайшему плетню. Забилась где-то в траве, чуть перевела дух и снова запустила свою хриплую лающую шарманку.

– Даже курицы одной не оставили! – сплюнул из-под пышной мочалки усов под ноги Стась.

Судя по глубокой колее, оставленной несколькими возами, да изрядно вытоптанной копытами траве по обе стороны проселочной дороги, двинули хutorяне в лес. Конечно, догнать их ничего не стоило. По такому-то следу. Да только смысл гонять добрых боевых коней за какими-то оборванцами. Чего с них взять? Разве что посесть схизматиков нагайками. Так это всегда успеется – мало их, что ли, в Литве?

К тому же, как ни крути, союзники. Хutor-то его обитатели покинули наверняка не из-за их отряда. Московитов ждали. Те упорно давили Смоленск уже третий год, всякий раз нависая над его стенами огромной ратью и опустошая ради ее прокорма все окрестные земли. Но за это время хutorяне научились угадывать приближение разгонных отрядов. Тут же грузили все пожитки на телеги – и бежали. Наверняка загодя выкопав на такой случай в лесу землянки.

– Да с чего бы им ее оставлять?

Пузатый десятник Гловач, по своему обыкновению, правил оселком любимый кинжал. Он развалился на крыльце опустевшей крестьянской халупы, лениво щуря глаза, втиснутые между пухлыми щеками и тяжелыми веками.

– Так мы ж, ежели чего, на их стороне. – Стась заметил на полах жупана непонятно как налипший белый пух и остервенело принялся его стряхивать. Зная его не особенно терпеливый характер, ротмистр искренне ждал, когда же, не добившись на этом поприще успеха, тупой медведь выхватит тесак и начнет полосовать перья им.

– А им какая разница, кто сожрет их кур – ты или московит? Новак. Этот даже с коня слезать не стал. Так и торчал в седле, августейше поводя взглядом то ли поверх соломенных крыш, то ли вообще поверх всего, что его окружало. Включая боевых побратимов. Впрочем, ротмистр, хоть и был тут главным по званию, сильно сомневался, что этот франт может кого-то из них назвать таким словом. Один расшитый золотыми нитями кушак Новака стоил дороже обоих пистолей Торунского. И хотя был он обычным воякой, даже не десятником, кошель его никогда не казал дна. В основном потому, ходили слухи, что приходился незаконным отпрыском одному из магнатов. Польских чи литовских – бог знает.

В любом случае ротмистр с высокомерной бражкой был согласен. Пусть даже никогда вслух бы в том не признался. Он знал каждого из своих людей и мог предположить, что, останься крестьяне дома, наверняка подверглись бы экспроприации части своего имущества «на нужды союзных войск». И интерес этих войск наверняка бы коснулся не только съестных припасов, но и того, что находилось под подолом местных баб. На все это Торунский, как правило, смотрел сквозь пальцы. Особенно когда дело доходило до интереса добрых католиков

к жалким пожиткам православных схизматиков. Коих в Литве обитало гораздо больше, чем, откровенно говоря, можно было стерпеть.

В любом случае здесь их ничего больше не держало. Они выслеживали некий московский обоз. Его нужно было разбить и увезти из него самое ценное. И если в опустевшем хуторе не нашлось и следов таинственного каравана, следовало поискать их в другом месте. Встретившись глазами с Гловачем, Торунский едва заметно кивнул. Десятник, будто только этого знака и ждал, с кряхтеньем воздел себя на ноги, сунул кинжал в ножны, а точильный камень – в притороченную к седлу суму. Кашлянул, огляделся, гаркнул:

– По коням!

Именно после этих его слов на них навалились все последующие неприятности. Ни дать ни взять решили, будто команда эта касается именно их.

* * *

Откуда взялись эти двое – поди знай. То, что на всех въездах-выездах из хуторка расставлены его караульные, ротмистр знал совершенно точно.

Тем не менее эта парочка преспокойно вышла из-за угла крестьянской хибарки и без всяких сомнений направилась прямо к польскому разъезду. Что вообще-то было странно, учитывая их наряд, в котором легко угадывались особенности московской воинской зброи. Причем выглядела она так, будто до сего дня никто никогда ее на себя не напяливал. Одинаковые железные пластины укрепляли толстый кожаный куяк, из-под рукавов, доходивших до сгиба локтя, выпрастовывалась, искрясь на солнце, тонкой работы кольчуга, половинки наручей стянуты друг с другом не успевшими пожухнуть от постоянного использования ремнями. Даже шишаки с поднятой стрелкой и толстого плетения бармицей – одинаковые. Разве что размеры разнятся.

– Здравы будьте, бояре!

Выйдя на середину двора, гаркнул, растянув губы в неестественно дружелюбной улыбке, более низкий и сухопарый московит. Лицо его так и лоснилось жеманной красотой, а чистоте и ухоженности перехваченных красноватой тесемкой волос позавидовала бы всякая панночка.

– Это где ж ты, скоморох, бояр увидел? Ни литвинов, ни москалей тут неа. Сапоги сам сымешь аль с покойника стягивать?

Стась умел смотреть в корень проблемы. Который, впрочем, в его случае всегда лежал на поверхности. Хочется есть – надо отрубить пробегающей мимо курице башку. Прохутились сапоги – снять вот с такого подвернувшегося под руку шута. Тем более что сапоги в данном случае тоже не выглядели пережеванными долгими странствиями. Вообще ни единая пылинка не успела прицепиться к их нарядным бокам.

Торунский сунул большие пальцы за пояс, так, чтобы в случае чего сподручнее было схватиться за рукоять шестигранной булавы. На то он и был ротмистром разгонного отряда, что мыслить мог не только о своих мозолях, пузе да о том, где после трапезы можно надергать листья лопуха помягче. Здоровяк Стась бросил этим двойняшкам недвусмысленный вызов, но никак нельзя было сказать, что слова его хоть немного заставили их напрячься. Хотя моментом впечатлилась даже брехливая псина. Умолкла она в тот же миг. Но баба с бородой лишь ощерила свои неестественно белые и ровные зубы в еще более широкую и непотребно красивую улыбку.

– Зачем же так грубо? – продолжал скалить белоснежный частокор в своей пасти московит. – Мы пришли вам помочь...

– Если сапогами, то милости просим, кидайся брюхом на мою саблю! – как обычно, хохотнул над своей шуткой Стась. – А хотя лучше глоткой! Нечего добрый доспех дырывать!

– Мы знаем, чего вы здесь дожидаетесь, – пропустив замечание здоровяка мимо ушей, уставился нарядный московит на Новака. Должно быть, почувствовал небольшой укол досады ротмистр, приняв того за главного. – Обоза.

Над подворьем повисла тишина. Даже Стась на мгновение забыл об обуви. Потому что был в курсе, что задание им поручили тайное.

– Если вы собираетесь отсюда уйти, не дождавшись своей цели, – зря. Потому что дожидаться ее именно здесь все-таки не лишено смысла...

– Ты кто? – просто и без всяких витиеватостей прервал поток пустых слов ротмистр. А заодно дал понять, кто здесь на самом деле главный.

Нарядный балабол кинул на Торунского мимолетный взгляд, будто нечаянно заприметил в скучном пейзаже еще одну незначительную и никому не нужную деталь, и вновь обратил все внимание на важничающего Новака. Тот, скотина, сидел в своем высоком седле и принимал все эти знаки почтительного внимания за должное. Даже не думал разуверить незнакомца в том, что командиром разъезда вообще-то не является. Молчал да важно дул щеки.

– Одно могу сказать точно – послушайте нас и не пожалеете, – продолжал лить мед на мельницу чванливости Новака, упрямо продолжая именно его принимать за голову отряда, нарядный хмырь. – Обоз точно будет. И точно – здесь. Понимаю, что верить нам на слово вам не с руки. Поэтому выдвигаю такое предложение: ежели пожелаете, мы можем остаться здесь, с вами. А в каком качестве – союзников или же заложников, – решайте сами.

– Покойников. – Утомившись от избытка малопонятных слов, здоровяк Стась рванул с пояса длинный тесак и решительно шагнул в сторону незваных гостей. Широкою белозубую улыбку с рожи пригожего оратора этот маневр смахнул моментально. Сначала он рассеянно цапнул болтающийся на ремне топор, тут же, словно только сейчас вспомнив о его существовании, дернул в сторону головы рукой, в которой покоился шлем, и лишь затем надумал цапнуть рукоять пистоля. Пока он паниковал, не зная, за что хвататься, опытный в коротких ратных стычках Стась широким шагом подлетел к нему чуть ли не вплотную.

И тут слово взял второй московит.

Вернее, как – слово...

Не особенно суетясь, он молча встретил атаку Стася простым и очень действенным приемом – без всякого замаха двинув ему промеж вытаращенных глаз своим шлемом. Длинноусый боров удивленно крикнул и отступил на шаг, выронив из руки тяжелый тесак. Для второго удара незнакомец уже как следует размахнулся. Звук, с которым повторно встретились башка поляка и шишак московита, получился не из тех, которые хочется услышать вновь. Шляхтич рухнул навзничь.

Что ж. Зато стало очевидно, что крепкий молчун ласы точить не станет. Голубые глаза, восточный разрез которых на вполне европейского типа лице выглядел странновато, теперь меряли собравшуюся публику не мирным скупающим взглядом, а вполне расчетливым холодным блеском. На долю мгновения ротмистру даже показалось, что правый глаз светловолосого блеснул, что у кота в темноте. Словно в него было встроено потаенное зеркальце. Чисто выбритое лицо – что у поганных наследников Орды вообще-то считалось немалым уродством – мигмом преобразилось в воинственную маску. Брови под непослушной вихрастой челкой грозно сшиблись на тонкой переносице.

Шляхтичи замерли в невольном оцепенении. Если и раньше было не особо похоже, что переговоры дойдут хоть до какого-то исхода, не связанного с убийством двоих визитеров, то теперь иного выхода они точно не предусматривали.

Впрочем, судя по ошарашенному взгляду красноречивого московита, которым тот одарил своего соратника, таковая мысль пришла в голову и ему. И, разумеется, Новаку. Тот, поморщив лоб мыслями, потащил из чехла на седле пистоль. Дорогую, ясное дело, вещицу.

На длинной резной рукояти, с колесцовым замком. Весь этот хутор, пусть даже был бы битком набит крестьянами, стоил много дешевле.

И в тот самый момент, когда магнатов нагулянный отпрыск щелкнул ключом, взводя механизм своего оружия, драчливый московит опять сделал то, чего от него никто не ожидал. Ухмыльнулся довольно раскованной и открытой улыбкой, как наскучившую ненужность отбросил в сторону шлем – словно притащил его сюда только для того, чтобы садануть им по зубам Стасю – и расслабленно скрестил руки на груди.

– Ну что, боевой побратим? Чего скажет твоя инструкция, если мы решим немного ускорить переговоры?

Кто бы ни была эта инструкция и где бы она ни пряталась, ответ на непонятный вопрос безумца так и повис в воздухе. Навсегда. Взведенный механизм Новакова пистолета коротко вжикнул, бахнул выстрел, окутавший оружие сероватым облаком. Конь Новака, дорогой, но не особенно привычный к бою, недовольно фыркнул, запрядал ушами и заплясал на месте.

А сладкоголосый побрехун упал, словно из него мигом вынули все кости. Вместо левого глаза у него зияла жутковатая кровавая воронка. Все-таки бил этот вычурный ствол на диво точно. Давно пора было его выиграть у богатенького поганца в кости.

Расслабленная ухмылочка мгновенно сошла с рожи светловолосого. Он пригнулся, дернул из-за пояса пистолет, направил его на Новака. Денежный мешок, не без удовольствия отметил про себя Торунский, лицом посерел не хуже, чем не успевший еще развеяться пороховой дым. А извечно никого ни во что не ставящий надменный взгляд на краткий миг наполнился испугом и вроде бы даже неумной жадой жизни. Больше, да и дольше ему ничем наполниться не позволили. Выстрел московита грохнул куда зычнее и раскатистее. Голова спесивца дернулась назад, наряженная высокими фазаньими перьями рогатывка слетела с макушки, а Новак – из седла своего скакуна с точеными ножками. Тут уж спохватился, что пора бы дать о себе знать, и десятник. Гловач метнул в москаля тот самый старательно заточенный кинжал, который правил несколько минут назад. Но лезвие лишь цвиркнуло о дуло пистолета – нарядный, что начищенная серебряная монета, воин отбил стилет в сторону в самый последний момент. Стало быть, даже если доспехи его в бою еще не бывали, про него самого то же самое не скажешь. Двое спешившихся шляхтичей метнулись к московиту со стороны уходящего в огород плетня. А он снова повел себя крайне странно: наставил на них разряженный уже пистолет. Ничего, ясное дело, из этой затеи не вышло. Лишь пару раз безуспешно нажав на вдавленный в рукоять спусковой крючок, он сообразил, что творит что-то не то. Но сориентировался на удивление скоро, тенью метнувшись к своему мертвому соратнику. У того оружие огненного боя зацепилось за ремень, и выдернуть его с ходу не вышло. Стиснув зубы, светловолосый дернул еще раз – и успел-таки пальнуть из пистолета прежде, чем размахивающие саблями панове подскочили к нему. Тому из них, что был ближе, пуля пробила горло. Он упал на колени, хрипя, захлебываясь кровью и стискивая обеими руками шею. Зато второй рьяно подскочил к врагу и лихо, умело подкручивая каждый замах кистью, полоснул саблей в волоске от башки схизматика. Тому вмиг стало не до улыбок. Уворачиваться и в последний момент отскакивать от шинкующего воздух металла он еще успевал, но времени на то, чтобы вынуть из-за пояса топор и вступить в схватку на более-менее равных условиях, никто ему давать не собирался. Уклоняться же от выпадов доброго рубаки вечно не смог бы никто. Тем более что тот не просто размахивал отточенной дугой сабли перед носом московита, а теснил того к ротмистру. Спиной. Опытный вояка провернуть с собой такой нехитрый маневр ни за что бы не позволил. Блондинчик к таковым, судя по всему, все же не относился. Что, учитывая его скупые воинские прихватки и движения, было странно. Он бестолково шарахался из стороны в сторону до тех пор, пока чуть не затылком наткнулся на Торунского. Тот уже давно поджидал его, сжимая в кулаке булаву. Ничем не прикрытая белобрысая макушка виделась прекрасной мишенью.

Но в тот момент, когда ротмистр, замахнувшись, уже заранее скорчился от предвкушения пренеприятной картины проломленной башки, светловолосый ни с того ни с сего подставился под очередной рубящий мах сабли. Причем сделал это максимально глупо. Выпростал вперед руку – ту самую, в радующей глаз новенькой кольчуге – и принял на нее удар. Такой, от которого эти аккуратнo пригнанные друг к другу колечки спасти не могли никак. Но и здесь загодя промелькнувшая пред мысленным взором Торунского картина кровавой рытвины и перебитой кости так в мыслях и осталась. Каким-то чудом железная чешуя выдержала. Даже не помялась и не прогнулась. Что для теснившего московита вояки тоже стало неприятным сюрпризом. Он не удержал равновесия и неосторожно шагнул вперед. Белобрысый только того и ждал, выбросив навстречу кулак. Затем перехватил обмягшую руку с саблей, крутанулся на месте и швырнул их обладателя прямо в Торунского. Тот запоздало махнул булавой, но вышло так, что движение это сделал, уже заваливаясь назад под весом ухнувшего на него тела. Земля с готовностью обрушилась на спину и затылок, вышибив воздух из груди. Сквозь шум в крови в ушах ротмистр слышал звон металла, топот сапог, ржание коней да надсадное дыхание Гловача.

Затем грохнули два выстрела. Более тяжелые и гулкие, чем звучавшие доселе пистолетные выбухи. Видать, подоспели наймиты-мушкетеры, которых Торунский в свой отряд брать не хотел, но ему их навязали. Выходит, не зря.

Отпихнув наконец от себя бесчувственное тело умельца сабельного боя, ротмистр постарался как можно решительнее воздeть себя на ноги. Получилось не так стремительно, как должно было, но, похоже, на это никто не обратил внимания. Именно в тот момент, когда он поднимался, опираясь на свою булаву, десятник долбанул почему-то упавшего на четвереньки православного еретика какой-то доской. Прямо по башке. Дерево, треснув, надломилось. Очень хотелось верить, что череп этого хриstopродавца – тоже.

Только сейчас Торунский увидел вытаращенные глаза Гловача, а затем и вытянутые рожи стоявших за плетнем мушкетеров. Наемники смотрели на свое оружие так, будто то вдруг обернулось обмазанными дерьмом гадюками.

– Что замерли? – как можно более недовольным тоном осведомился Торунский. Всем своим видом давая понять, что это вовсе не он только что беспомощно барахтался на земле. Судя по всему, этот казус остался всеми незамеченным. Им было чему дивиться и без него.

– Этот гад не сдох! Две пули! Почти в упор! Из мушкета! А он только на карачки грохнулся и еще встать собирался...

Торунский неверяще посмотрел на валяющееся в двух шагах от него тело. Только сейчас он заметил на железных брусках, что укрепляли куяк на спине схизматика, две отчетливые рытвины. По всему выходило, оставленные выстрелами. Он неверяще перевел взгляд на оружие стрелков. Такими убойными штуками да с такого расстояния вола можно было пробить навылет. Его железный горжет, прикрывающий шею и верхнюю часть груди, уж точно сейчас украшали бы две здоровенные дыры. И тут ротмистра словно осенило: «Тварь ведь может очнуться в любую минуту! И как тогда его останавливать?»

– Стяните с него броню. Поглядим, насколько он бессмертен без нее.

Глава 2

Это все и впрямь очень напоминало реальность. Аж до дрожи, если честно. В мясорубке неохотно вращающихся в голове мыслей на миг мелькнуло предположение, что неплохо было бы испробовать здесь для сравнения с настоящим миром еще и попойку. Потому что ощущения от выстрела в спину и удара по башке гады, вдохнувшие до ужаса подлинную жизнь в этот мир, и впрямь сделали идентичными натуральным. Уж он-то знал... Как и прохладу воды, ледяной волной окатившей голову и плечи. Именно это ощущение и вырвало Дениса из забытья.

Он вскинул голову, хрипя и отплевываясь. Правый глаз, в который был вставлен хрусталик контактной линзы, уставился на мир точно так же, как и левый. Что само по себе было, разумеется, неплохо. И все же идентичность взгляда на окружающую действительность обоих зрачков в сложившейся ситуации была проблемой. Потому что линза в правом глазу служила вовсе не офтальмологическим целям. Именно на ней заумная программа, закинувшая его сюда, проецировала все нужные Денису сведения. Как Терминатору из древнего фильма. По первому же запросу – и не только, кстати, высказанному вслух – она выводила перед взором единственного своего зрителя и текстовую, и даже трехмерную графическую информацию. Собственно, исключительно благодаря этой чудо-линзе, вовремя включившей функцию ведения боя, он не был до сих пор ни заколот, ни зарублен. Каждое движение шустрых шпажистов хитрящая программа угадывала, проецировала на только одному Денису видимом экране и подсказывала варианты встречных маневров.

Сейчас же правый глаз был просто глазом. Раскрывающимся из-за набравшего силу отека кое-как, но все же глядящим на столпившихся вокруг него вооруженных людей в точности так же, как и левый.

– Он хоть нас слышит? Глаза какие-то чумные.

Сказал это тот самый здоровяк с бахромой повисших под носом усов, которому Денис расквасил физиономию шлемом. Последствия удара без труда угадывались на морде туземца. Усы из-за тянущихся из носа кровавых соплей приобрели неприятно бурый оттенок. Да и очевидно переломанная переносица набухла внушающим уважение вздутием. Тем не менее услышанные слова принесли хоть какое-то облегчение. Воткнутая в ухо улитка миниатюрного переводчика, похоже, не пострадала, продолжая работать без очевидных сбоев. Иначе как он понял бы средневековую, да еще и польскую речь?

Ведь ему было обещана полная идентичность историческому процессу. И пока все связанные с этим ожидания, будь они неладны, оправдывались.

Взгляд случайно упал на брошенное у его ног тело проводника. Выглядел балабол уже не как броско накрашенный метросексуал на параде фашистов, а как самый обычный, неряшливо валяющийся труп. Выходит, проводник тоже оказался частью этого мира? То есть не настоящим человеком? А как был похож...

Удар тяжеленного сапога, обрушившийся на ребра, тоже ни за что нельзя было отличить от настоящего. Грудную клетку пронзила острейшая боль, спазм мгновенно заставил сжаться мышцы в один закаменевший комок. Будь свободны руки, он, конечно, потолковал бы с автором этого пенделя. Но руки как раз-таки свободны не были. Их связали за спиной. Настолько прочно, что пошевелить получалось только пальцами. Да проку с того было, конечно, немного. Разве что поцарапать столб, к которому его примотали в сидячем положении.

– Принесите еще воды! Похоже, еще не очухался.

Говорил тип, у которого под начищенным железным воротником, надетым прямо поверх какой-то длинной фуфайки и доходившим почти до середины груди, выпирало навершие шестигранной булавы. Заткнута она была за богато расшитый пояс, и Денис готов был поклясться, что видел его на том самом вояке, который продырявил башку проводнику. Паль-

нуж из того самого пистолета с рукоятью в парадно позолоченных завитках, что сейчас торчала с другого от булавки бока.

– Да видно же, что все слышит.

Это сказал немолодой толстяк. На удивление шустрый малый, отправивший до этого Дениса отдыхать с помощью нехитрой колыбельной, что спела прогудевшая в воздухе доска. Сейчас он сидел на чурбане для колки дров и пялился на пленника таким взглядом, словно застал за поеданием своего ужина. Цепкая хватка свиных глазок не сулила ничего хорошего.

– Верно ж я говорю? – вопрос предназначался уже непосредственно Денису. – Отвечай!

А что он мог ответить? Переводить аудиоретранслятор все переводил, но вот научить языку за пару секунд не мог никак. Варианты ответа должны были загораться на той самой линзе в правом глазу.

Не дождавшись нужной реакции пленника, хряк, уперев ладони в колени и натужно крикнув, чуть привстал со своего импровизированного унитаза и довольно чувствительно, с отяжкой приложил пленника тыльной стороной ладони по лицу. Лапища оказалась тяжелая – неудивительно, что Денис после прошлой встречи с ней брякнулся в нокаут.

– Когда я тебе кишки наружу выпущу, тоже, думаешь, промолчать сможешь?

Прежде чем усесться обратно, он шибанул Дениса еще раз. Посильнее. На сей раз размахнувшись очень хорошо. В ушах зазвенело – поди пойми, переводчик или барабанные перепонки, – а на глаза снова едва не упал темный занавес.

Однако – ну надо же! – выведенная вроде бы из строя линза снова подала признаки технической жизни. Видать, здесь было принято клин вышибать клином в прямом смысле. Перед взором Дениса появилась видимая только ему бледная и болезненно подрагивающая картинка. С одной очень плохо угадывающейся строчкой.

– Wszystko slysze.

Ретранслятор, ничуть не смутившись, что звук исторгнут из того самого организма, в который он сам и помещен, мгновенно перевел и эти слова тоже: «Я все слышу».

– Так он и по-нашему чесать может? – Здоровяк, прочность морды которого Денис сравнил с прочностью своего шлема, удивленно вытаращил глаза, будто свято верил, что польский могли знать только он, его мамка да еще с десятков очень неразговорчивых людей, поклявшихся унести тайну знания в могилу.

– Стась, уйди.

Недовольный тип в железном воротнике небрежно отпихнул в сторону здоровяка с разбитой рожей. Тот спорить не стал. Покорно отступил. Надо полагать, из соображений субординации. Других причин не навальт ему за очевидно высокомерные выкрутасы Денис не видел. А если взять во внимание перекочевавшие именно к нему ценные вещички убиенных, то догадка эта обретала черты уверенности.

Откуда-то из-под заросшего густой травой плетня тявкнула собака. Звук этот заставил горделивого спесивца скривить тощую, как поставленная на ребро доска, рожу, будто от зубной боли. Отчего стало сильно заметно, что правая его бровь замерла в положении постоянного удивления, топорщась чуть заметно выше левой. А еще от ее уголка шел бледный шрам, пересекавший щеку и терявшийся где-то под лихо закрученными кверху усами.

– Тратить на тебя время я не стану, поэтому задам все три интересующие меня вопроса сразу, – деловитой ритмичной скороговоркой выпалил кривобровый, и Денис невольно зауважал умников, называвших себя создателями его миниатюрного переводчика. Тот не упустил из сказанного ни слова. – Кто вы такие, откуда взялись здесь и как, черт подери, прознали о нас?

Играть в эти «аты-баты» Денису совсем не хотелось. Хотя убей, он не мог воспринимать все происходящее с ним сейчас всерьез. Но, с другой стороны, именно для того его и наняли, запустив сюда: проверить, насколько хорошо все работает, как отлажена программа и не возникнет ли у кого-нибудь сомнений в реалистичности происходящего. Тем более он уже попро-

бовал включить режим иронии и легкого наплевательства, и ни к чему хорошему это не привело.

Глаз-шпаргалка на сей счет никаких подсказок не давал. Мелкий полиглот в ухе – тоже. Зато и лицо, и спина, и ребра были вполне натурально, намекая на то, что они все-таки были бы не прочь следовать инструкции и выполнять работу в точности так, как посчитал бы наиболее приемлемым их общий на всех работодатель.

Но паршивый норв, как всегда, пер против течения.

И в реальной-то жизни по-другому почему-то не получалось. А уж здесь...

– Насчет «нас» ничего сказать не могу. – Невольно покосившись на небрежно брошенное в пыль, как родительский укор, тело проводника, Денис постарался оскалиться самой паршивой из своих улыбок. – Говорю только за себя. Я – человек. Настоящий. Из кожи, костей и всей погани прочих внутренностей. Здесь оказался по большей части случайно. Нанялся тестировать новейшую разработку в цифровой индустрии, получил неплохой задаток, позволил обвешать себя всякой электроникой и запустить в этот мир. К вашему сведению – несуществующий. Как и вы сами. Эй, вы, там! – Последние слова он выкрикнул, задрав раскрашенное побоями лицо к безоблачному небу. От неожиданности пара человек из окруживших его вояк отпрянули назад, еще двое, включая тупого здоровяка с расквашенным носом, тоже уставились вверх. – Все! Задание провалено! Не могу я серьезно относиться ко всем этим казакам-разбойникам! Боюсь, рожа треснет, когда лыбу давить буду по любому поводу! Вытаскивайте меня отсюда! Финиш! Как там у вас?.. Вне игры! Или... гейм овер!

Над головой, залиvisto стрекоча, промчалась пара ласточек. Налетевший со стороны леса ветерок, словно гребнем по непослушным кучерявым вихрам, прошелся по кроне приунывшей над дорогой березы. Где-то в соседнем дворе натужно, как прощающийся со своими детьми самоубийца, скрипнул колодезный журавль. Да собака снова твякнула в зарослях. В отличие от журавля – вроде как даже с насмешкой.

Других признаков вмешательства высших сил никто что-то подавать не собирался.

– Так он блаженный.

Толстяк смотрел на свою руку, только что мордовавшую плененного московита так, будто искренне осуждал ее действия и даже испытывал по очевидной ее вине некую неловкость.

– Блаженный? – хмыкнул голова отряда. – Где ж ты видел блаженных, которые оружные и в броне ходят?

Денис же думал о другом. Небеса не разверзлись, главное меню не открылось, сворачиваться программа не спешила. Из чего можно было сделать вывод, что вытаскивать его отсюда никто не собирается. Значит, существовала вероятность, что все это предусмотрено сценарием. То есть поляки – или кто там они такие – продолжают пытки. И пусть все происходящее здесь трижды выдумка и происки хитрых алгоритмов, но боль-то при этом он чувствовал вполне себе натуральную.

– Может, нечестивцы так Богу молятся? – предположил не особенно талантливый здоровяк. Встреча с Денисовым шлемом явно не пошла содержимому его черепа на пользу. С другой стороны, он максимально точно подходил на роль стереотипного воина-болвана.

– Да плевать я хотел, как они молятся! – рявкнул главный индюк. – Но если ты мне сейчас не расскажешь, что тут творится, начну лошадьми рвать.

Последняя фраза была брошена Денису в лицо, как перчатка с вызовом. На что он лишь кисло улыбнулся.

«Да и черт с ним».

Может, выход отсюда только через таинство смерти? Прямо как в настоящем мире. А что? Раз уж этот симулятор выдавал такие чудеса натуральности происходящего, то, может, был таковым и во всем остальном? Рисовал, так сказать, абсолютно полную идентичность

жизни со всеми ее крайностями и прочими неприятностями. Ну да, наверняка будет чертовски больно. Но если другого выхода нет, что ж... Можно попробовать ускорить процесс.

– Эту тонконогую лошаденку, с которой я скинул хозяина твоего пояса, ты тоже себе присвоил? – вместо ответа процедил он, таращась на щеголя насмешливым взглядом. Хотя набухший синяк над глазом наверняка мешал передать все глубины презрения, которыми он хотел окатить криворожую проекцию сознания какого-то художника. – Ее тоже используешь для разрывания? Или все-таки жалко?

Поляк покраснел и надулся так, что, показалось, его шрам на щеке сейчас лопнет по шву. Он потянул из-за уворованного пояса булаву с явным намерением применить ее вовсе не как символ власти. Дениса это, собственно, устраивало. И быстрее, и безболезненнее. Сердце, чувствуя наступление очень скорой и весьма стрессовой ситуации, забилося сильнее.

Но его панический галоп заглушил топот копыт. Во двор, пригнувшись под двускатной крышей ворот, ворвался верховой воин. Возопил он, пуча глаза, так, будто привез новость исключительно глухим людям:

– Обоз! Едут!

* * *

Видывал он в своей жизни конвои и подлиннее. В голове того, что двигал прямо на него, ехал тонкокостный молодец в долгополом красном одеянии, которое расшито было всякими золочеными узорами так пестро, что, наверное, считалось верхом красоты здешних мод. Взгляд мало отличался от надменного взора польского индюка. Который вместе со всей своей сворой спрятался где-то неподалеку. Денис краем глаза успел отметить, что кто-то из пленивших его вояк затаился за забором, иные скользнули в опустевшие дома. А его самого, как червяка, нарытого для рыбалки, закинули в самую стремнину реки, которая в этом случае вилась пыльной дорогой от верхушки взгорка за околицей.

Два всадника, чьи простые кожаные брони на фоне блеска павлиньего наряда командира выглядели начинкой подтаявших по весне белоснежных сугробов, дружно гикнули, рванули в галоп и понеслись прямо на Дениса. Если учесть, что предстал перед ними в максимально жалком виде – всю сияющую новизной роскошь его воинской sprawy цифровые поляки поспешили присвоить себе, – то с их точки зрения должен был выглядеть на редкость непонятной угрозой. Сами по себе отсутствие сапог и опухшая рожа, конечно, вряд ли могли навести на кого-то жути. Но то, что все это непотребство решило преградить дорогу важному посольству, выглядело как минимум подозрительно. Поэтому желание конвоиров втоптать жалкое препятствие в пыль можно было признать вполне логичным и разумным.

Денис их понимал и даже не осуждал. Не шелохнувшись, он скучающим взором наблюдал за стремительным приближением распластавшихся в полете над дорогой конских тел. И уже даже заранее сжал кулак, чтобы без обиняков и лишних пауз засветить в нос первому же очкарику, который после его виртуальной смерти и, соответственно, возвращения в реальный мир начнет снимать с него все провода и отключать прочие долбанные приборы.

Но кони промчались мимо. Обдав его с двух сторон резким сквознячком, налитанным кислым запахом лошадиного пота и кожаных доспехов. Оглянувшись им вслед, он проследил, как наездники рванули к дальней околице деревни. Видимо, чтобы проверить эту непонятную ситуацию на предмет возможной засады.

Молодцы, чуть не усмехнулся Денис, догадались. Жаль, искать принялись сразу не там. Развернувшись обратно к любимцу местных модельеров, он увидел, что по обоим сторонам от нарядного типа выросли другие вояки. С раскосыми смуглыми рожами, в длинных плотных халатах, обшитых круглыми, как перевернутые блюдца, бляхами. Оба держали в руках короткие луки с уже наложенными на тетиву стрелами. И зыркали по сторонам с таким подо-

зрительным видом, словно не допускали самой мысли о том, что вынутую из колчана стрелу можно не пускать в ход. Пестрозады щегол преисполненным максимальным величием жестом поднял вверх руку. Процессия остановилась. Натужно скрипнув, встала как вкопанная и повозка, следовавшая в пяти-шести лошадиных корпусах позади модника. По обе ее стороны тоже ехали вооруженные люди, как, судя по всему, и позади нее. Итого обоз насчитывал около десятка стражников. Если, конечно, где-то чуть поодаль кавалькаду не догоняло пешее подкрепление.

Деловито оглядевшись по сторонам и не заметив ничего такого, что можно было бы принять за хитро расставленную засаду, бородатая хохлома снова вперил грозно поблескивающие под шапкой с меховой опушкой глаза в сторону выросшего на их пути помятого препятствия. Не углядев, видать, никакой угрозы и здесь, лениво кивнул в сторону Дениса одному из лучников.

Тот, ни секунды не раздумывая, вскинул лук.

– Стойте!

Прозвеневший над притихшим селом, которое будто замерло в ужасе перед угрозой смертоубийства, детский голос был здесь совсем неуместен. Звонкое его чириканье донеслось со стороны повозки. Правда, ребенка тут же попытался вразумить и оградить от намечающегося зрелища кто-то взрослый и, должно быть, более сведущий в намечающихся неблагоприятных делах. Глухо стукнула дверца повозки, послышалось приглушенное ею хныканье. С довольно милыми для возникшей ситуации нотками капризности.

Модник, впрочем, к этому диалогу постарался прислушаться. Подав лучнику едва заметный знак повременить с экзекуцией, он наострил уши. Видимо, главным он тут был исключительно по вопросам моды и стиля, а никак не по тактическим инициативам.

За спиной послышался нарастающий конский топот. Должно быть, вернулся ускакавший давеча на другой конец села авангард.

«Может, хоть они затопчут», – с возрастающим нетерпением вздохнул Денис.

И именно в этот момент под ноги коней с пронзительным и невозможно противным тьяканьем стремительно бросился грязный комок шерсти.

«Или нет».

Мохнатая шавка захлебывалась надрывным лаем и без малейшего намека на инстинкт самосохранения пыталась цапнуть лошадей за ноги. Те, изрядно удивленные, замедлили стремительный бег и недовольно прянули в стороны. Всадники принялись браниться, защелкали нагайки. Но толстобокая дворняга на редкость резво семенила на коротеньких лапках и с удивительным знанием дела всякий раз уклонялась от рвущей воздух расправы.

И вот тут уже никакие увещания, уговоры и мудрые советы не смогли удержать прекрасный порыв сердобольного ребенка. Деревянно стукнула о стенку повозки решительно распахнутая дверца, и из мягкого уюта крытого возка вывалился звонкоголосый комок в ярком сарафанчике.

– Собачка! Собачка же!

Девчушка, яркий наряд которой по пестроте и дороговизне, пожалуй, вполне мог поспорить с нарядом хлыща во главе процессии, кричала так, словно полагала, что большие дяди в своих скучных взрослых разговорах просто не заметили животинку и теперь совершенно нечаянно могли втоптать ее в придорожную пыль. Длинная коса с цветными лентами била на бегу по спине, брови под расшитым то ли бисером, то ли мелким жемчугом ободком собрались домиком. Звонкий писклявый голосок, как мячик, задорно отскакивал от брошенных хат, словно пуская круги по стоялой воде омута тяжелой тишины, в которую погрузился хуторок.

Следом за малолетней защитницей четвероногих друзей из повозки выстрелил гибкий силуэт. Тоже девицы. Но постарше. И, соответственно, поинтереснее. Штаны тонкой кожи плотно обтягивали ноги, простые, но при этом довольно изящные сапоги позвякивали тонким

металлическим фальцетом прикрепленных к ним шпор. Наглухо застегнутая до самого ворота одежда, больше всего напоминая приталенное пальто, не особенно скрывала изгибы бедер и талии. Они, а также длинная, где-то чуть ниже лопаток черная коса да открытый взгляд темных глаз были единственными женскими украшениями этой дамы. Ни тебе перстней на тонких пальцах, ни серег с драгоценными камнями, ни браслетов или роскошных бус, прыгающих на бегу на пышной груди. Ни, собственно говоря, пышной груди. Болтающуюся на перевязи саблю с изысканной гардой в виде переплетенной лозы к предметам женского обольщения отнести все-таки было нельзя.

– Елена!

Голос ее не особенно понравился. Был он грубоват по звучанию, а также чрезмерно самоуверен и, скорее всего, хамоват по содержанию. Что было особенно странно, если учесть характер ее профессиональной занятости – работы няньки. Программисты, нарисовавшие такую вот лихую пестунью с сабелькой на боку, наверное, все-таки дали маху. Хорошо, Денис знал, что находится в игре. Ни за что бы не поверил, что сможет встретить подобного персонажа в реальной жизни. А персонаж этот меж тем настиг малолетнюю беглянку, схватил за беленькую ручку, не особенно педагогично дернул, перехватил за подмышки и потащил обратно.

– Собачка, собачка, – верещала, давясь рыданиями, девчушка. – Они же ее растопчут! Скажи им, чтобы не трогали собачку!

– Да сдался кому-то этот клоп, – хмуро процедила воспитательница, и было совершенно непонятно, кого она имеет в виду – то ли шавку, то ли торчащего до сих пор посреди дороги оборванца. А на Денисов взгляд, всей этой детсадовской процессии сейчас переживать следовало вовсе не о нем самом и его не ожидаемом блохастом заступнике. Он успел напоследок скользнуть заинтересованным взглядом по удаляющемуся крепкому задку добротного прорисованной няньки, отметил, что псина не хуже таракана юркнула в щель под забором подворья напротив, а разодетый павлин верхом на коне скучаяще шевельнул пальцем, вновь подавая знак лучнику.

И именно в этот момент благодатную тишину села, изредка прерываемую всхлипами сердобольной девчушки, разорвал грохот выстрелов.

Первый залп пришелся на лучников и их в пух и прах разодетого руководителя. Дотянуться до своего оружия он даже не успел: пуля пробила бок его лошади, зверюга пронзительно заржала, встала на дыбы – и рухнула всем весом на седока. Тот даже не особенно громко вскрикнул, придавленный дергающейся в агонии тушей. Лучник, целившийся в Дениса, слетел с седла сам, без подмоги коня. Другой лучник, пригнувшись, гортанно гикнул, направив скакуна к выезду из села. Не особенно похоже было, что он собирается вступать в схватку. Впрочем, права выбора предоставлять ему никто не собирался. Там, куда он планировал совершить маневр стратегического отступления, уже маячили перегородившие дорогу всадники в польской форме. Или как у них там эти душегрейки назывались?

«Жупаны», – тут же выдала ответ линза.

Над головой густым басом прогудела арбалетная стрела. Денис даже не стал нагибаться. Он так и не шелхнулся с места, со скучающим видом наблюдая за боем, не имеющим к нему никакого касания. Твердо был убежден, что ему одному был гарантирован иммунитет от гибели в развернувшейся вокруг сече. Разве что излишняя ее натуральность постепенно начала докучать. Все-таки любой аттракцион должен развлекать, а не отталкивать. В людской смерти и в реальной-то жизни нет ничего веселого, так за каким лешим в таких подробностях живописать ее еще и здесь?

Словно выражая полную солидарность с мнением единственного живого организма, попавшего в нарисованное полотно, с очень натуралистичным вскриком скатился в придорожную траву раненый московский верховой. Из тех двоих, что промчались недавно мимо Дениса. Из ноги его торчала стрела, и, судя по тому, что попала она куда-то в область паха, а светло-

синие шаровары воина теперь интенсивно заливала темная кровь, ему, скорее всего, перебили артерию. Несмотря на это, он, затравленно озираясь по сторонам и не выпуская из кулака рукоять сабли, постарался отползти в сторону, под накренившийся над дорогой плетень. Где, скорее всего, и должен был сделать последний вздох. С такой кровопотерей оставалось ему совсем недолго. Его напарник уже рубился с двумя выскочившими из палисадника копейщиками. Его лошадь, привыкшая, видать, к таким раскладам, ржала, недовольно взбрыкивала и время от времени старалась достать нападавших копытами. Всадник размахивал мечом, пару раз срубив ветви черемухи, растопырившей их прямо над головой. В пылу рубки он того и не заметил. Зря. Как следует размахнувшись, да еще и молодецки привстав на стременах, он особенно остервенело махнул клинком, но тот вдруг предательски врубился в толстый сук. Секундного замешательства вполне хватило на то, чтобы поляки воткнули ему под ребра свои рогатины, сдернули с седла и, хрипящего, швырнули в куст смородины. Где он еще какое-то время орал и трещал сломанными ветвями.

Узкая деревенская улица наполнилась невиданными для себя прежде звуками: криком, звоном железа, ржанием коней и свистом стрел. Одна из них, выпущенная узкоглазым всадником в халате, бросила бегущего к повозке типа в желтых сапогах на хлипкую калитку. Кожа-ные петли, на которых болтался притвор штaketника, вес резко навалившегося на них тела, что интересно, выдержали. Не сдюжили трухлявые доски – треснули и поглотили увешанное оружием тело с торчащей из шеи оперенной рейкой. Еще пара стрел пролетела совсем рядом с Денисом, обдав, чего греха таить, довольно жутким сквознячком. Понимать-то он понимал, что это резкое дуновение не настоящее, а бес пойми как спроектированное компьютерной программой, но жуть окатила самая настоящая. Потому, чтобы не отвлекаться на нелогичное в данных обстоятельствах чувство самосохранения, он закрыл глаза, задрал лицо к небу и приготовился вынырнуть в нормальную реальность. И совсем не важно – с помощью проткнувшей горло стрелы или разбрызгавшей башку пули.

Лязг кипевшей вокруг рубки был громким, резким и здорово отвлекал от попытки сосредоточиться на уходе в мир иной. Который почему-то никак не наступал. Мало того, отвлекать от него стало что-то мохнатое, уткнувшееся в ноги. И даже, похоже, принявшееся их лизать. Именно сейчас он по-настоящему пожалел, что проклятые мародеры стянули с него сапоги. Догадался, что невесть по какой причине прикипевшая к нему своим шерстяным сердцем шавка снова вернулась спасать его от неминуемой смерти. Язык у нее был теплый и до противного липкий.

И тут же кто-то повис на другой его штанине. Да так здорово, что едва не стянул портки.

«Нет уж, игра не игра, а с голым задом, чтобы насмешить какого-то умника, который сейчас наблюдает за мной на каком-нибудь экране, помирать не стану».

Он с неохотой разлепил веки. Сначала встретился взором с преданно-грустными глазами шавки. А потом и с другим, насупленным и не особенно дружелюбным взглядом. Но вместе с тем каким-то светлым и плящимся будто бы в самую душу. Принадлежал он той самой девчонке в сарафане, которая ринулась ограждать от неприятностей драгоценную собачью жизнь. Это именно она сейчас ухватила Денисову ногу так крепко, что едва не устроила мужской стриптиз посреди кипевшей вокруг сумятицы боя. Видать, снова решительно ринулась выручать псину. Скорее всего, первым пришедшим на ум способом. А это значило только одно – сейчас на авансцену должен был ворваться еще один неперемный персонаж. И, едва успев подумать о няньке с саблей, Денис вскинул голову и увидел ее, несущуюся со всех ног. Прямо на него. Сильные руки ударили в грудь, вышибли из нее весь воздух – и повалили с ног. По инерции он успел схватить девицу в охапку, и вместе они так и хлопнулись в придорожную пыль. Только шавка взвизгнула. Да вроде бы еще что-то хрустнуло внутри.

– Какого лешего ты творишь?! – выдохнул он.

Но телохранительница не удостоила его не то что ответом – даже взглядом. Тут же донельзя заботливым коршуном она кинулась к своей подопечной, сгребла ее в охапку и, не отпуская драгоценную ношу, перекатилась к подножию плетня. По-волчьи зыркнула по сторонам, схватила взвизгнувшую девчонку и перебросила через хлипкий тын. Лишь после этого вырвала из ножен саблю и кинулась на подскочившего к ней поляка. Звонко звякнул металл, скупно засопели, чертя им вокруг себя режущие воздух узоры, фехтовальщики. И, надо сказать, деваха владела этой олимпийской дисциплиной отменно. Даже вроде бы теснила своего оппонента. До тех самых пор, пока он не догадался, что все-таки тяжелее и сильнее. И не подловил ее на чрезмерном сближении. Шаг вперед, едва заметный, но очень расчетливый тычок плечом, и дамочка свалилась прямо на тушу едва подергивающейся в придорожной пыли лошади. Следующим махом сабли поляк должен был добить фурию в пальто. Но Денис в совершенно идиотском и нерациональном порыве кинулся ей на помощь. Перехватил взметнувшуюся вверх руку с клинком, резким, плохо подходящим для вальса полуоборотом крутанулся на месте и швырнул несостоявшегося победителя сабельной дуэли под колеса повозки. Где его с готовностью пригвоздил к земле коротким копьем один из стражников. Который тут же переключился на другого поляка, набежавшего откуда-то со стороны гремящей железом свалки. Людей, желающих непременно умертвить коллегу по видовой биологической принадлежности, на этом цифровом батальном полотне набралось прям с избытком. Точь-в-точь как в реальной, будь она неладна, жизни.

– Справилась бы без тебя, – просопела, поднимаясь с земли, оружная девица.

– Очень сильно сомневаюсь.

– Ты ведь с ними? – Темные глаза на лице, которое можно было бы назвать приятным, кабы не обветренная его суровость, глядели максимально недоверчиво. Так, словно искали ответ на совсем другой вопрос – куда бы лучше воткнуть клинок.

– Если скажу «да», прирежешь?

Сказал и тут же пожалел. Нужно было просто сказать – да. Тогда бы никакие рудиментарные муки совести не помешали бы ей сделать ему «фаталити» и прочие «гейм овер». А так вышло, будто он трясется за свою шкуру и пытается торговаться.

Но брать слова назад было уже поздно. Такая побитая и облинявшая шавка, как он, похоже, интересовала дамочку даже меньше, чем ее настоящий блохастый аналог. К которому так не к месту прикипела ее малолетняя подопечная.

Тем более что нападавшие, похоже, брали верх. Замыкающие обоза поворачивали коней, пытаясь спастись бегством. Вдогонку им летели стрелы, грохотали разрозненные выстрелы. И лишь когда стало ясно, что победоносное завершение резни лишь вопрос времени, на поле боя горделиво выступил спесивый командир нападавших. Железный его воротник поблескивал на солнце так, словно был начищен специально для парада. Собственно, Денис не удивился, если бы он и впрямь, сидя в засаде, поручил кому-нибудь натереть его до состояния зеркала. Важный гусь что-то выкрикнул своим войкам и преисполненным горделивой спеси жестом указал зажатым в руке пистолетом на Дениса.

– Елена! – выдохнула воительница и тут же кинулась в другую от нападавших сторону. Туда, где оставила свою малолетнюю подопечную. Завидев ее маневр, главный поляк повел усом, снова поднял пистолет, и по тому, как прищурил глаз, стало понятно, что на сей раз собирается применить оружие не как дорожную указку.

«Ну, уж нет! Я заставляю вас шлепнуть меня!»

Денис, едва девица прозвенела шпорами мимо него, тут же шагнул чуть в сторону, закрывая ее собой от пули. В последний момент физиономию вельможного пана исказила досадливая гримаса, рука чуть дернулась. Бахнул выстрел. Лицо ожгло чем-то горячим. С невероятным облегчением Денис подумал, что мучения его в этом средневековом антураже, похоже,

подошли к концу. И даже приготовился увидеть перед глазами «классический» темный тоннель и угадывающийся в его конце молочно-белый свет. В качестве символа выхода в «настоящее».

Ничего подобного.

Скула и ухо вспыхнули огнем, по шее на рубашку потекло что-то теплое. Хотя, откровенно сказать, он прекрасно понимал, что именно теплое может потечь из щеки, если ее разодрать чем-нибудь острым. Будь на месте этого косорукого павлина настоящий владелец пистолета, который вдолбил «хэдшот» в голову проводника, уж тот бы наверняка не промахнулся. Этот же, видать, пока не приноровил руку к новому оружию.

– Ломайте ему ноги, чтоб не ушел! – Раздосадованно махнув пистолетом, как капризный ребенок сломавшейся игрушкой, поляк, не глядя, бросил ствол назад. По крайней мере, этот расчет оправдался – дымящийся еще огнестрел со знанием дела перехватил толстяк. – Живым брать нехристия!

И тут Денис психанул. Промех усатой цапли его раздосадовал не особенно – ринувшись в его сторону трое вояк с перекошенными рожами всем своим видом гарантировали, что в очень скором времени исправят этот недочет командира. Но вопрос теперь встал другой – как именно. Покалечить, но ни в коем случае не убивать? Похоже, эта проклятая игра единственной своей целью полагала наиболее изощренное издевательство над геймером. Что бы он ни делал, как ни вертелся угрем, она всякий раз словно бы насмеялась над всеми этими стараниями.

Что жутко раздражало.

Первому набежавшему типу в похожей на берет шапке досталось больше всех. Ему Денис, уходя от замаха здоровенным тесаком, пяткой выбил колено из опорной ноги. Прямо из сустава. Не успел тот, захлебываясь криком, рухнуть на землю, как замерший посреди дороги голодранец уже уворачивался от замаха копы с длиннющим, как короткий меч, наконечником. Уклонившись еще пару раз, он понял, что поляк старается подрубить ему ноги. Как, собственно, и было приказано. Еще один зашел сбоку, совершенно очевидно примеряясь садануть узким клювом топора куда-то в область ключицы. Денис дождался, когда он решится-таки обрушить свою кирку на предполагаемую жертву, и в последний момент, уходя с линии атаки, перекатился через голову. Топор с треском перерубил древко пики. Пользуясь замешательством копыеносца, «геймер» двинул ему кулаком в висок. Не дожидаясь, пока тот встретится с поверхностью земли, успел выхватить из ножен на поясе кинжал с деревянной рукоятью. Не особенно удобный, и уж конечно, не рассчитанный на то, чтобы отражать им молодецкие замахи топором. Благо шпаргалка в глазу работала прекрасно. Каждое движение противника она читала и предугадывала. Если, конечно, долю секунды можно включить в определение «заранее». Но Денис успевал. Пару раз этот мясник едва не оставил его без ноги.

Но в тот момент, когда Денис додумался, что проще всего в этой ситуации самому себе полоснуть по горлу и отправиться наконец домой, в глаза ему брызнула широкая струя крови. От неожиданности он отбросил нож и принялся утирать лицо рукавом рубахи. А когда стер с век жирные горячие капли, едва удержал содержимое желудка на полпути к горлу: «дровосек» стал короче на голову. Развороченное месиво на месте шеи еще жило и пульсировало, когда не терпящий возражений удар ноги требовательно пихнул обезглавленное тело на землю. А на его месте с окровавленной саблей в стиснутом кулаке возникла боевая нянька. С довольно странным, конечно, взглядом на педагогику и достаточно недоброжелательным взглядом на спасенного незнакомца.

– Хочешь жить – за мной.

И тут же развернувшись, фурия припустила к плетню, за которым не так давно укрывала свою подопечную. Исход баталии ее, судя по всему, волновал не особенно. Как, собственно, и мнение Дениса.

А он вовсе не хотел жить!

В том, разумеется, понимании, которое она вкладывала в свои слова. Можно было, конечно, хватануть любой из богатого выбора раскиданных вокруг предметов холодного оружия и организовать максимально урезанную по времени церемонию харакири. Но боров с заплывшими глазками и щеткой вислых усов уже перезарядил пистолет своему напыщенному командиру, а с другой стороны улицы с топотом и диким гиканьем приближался отряд вражеских конников.

– Живым! Живым брать! – снова завопил кривобровый шакал.

Мгновенно захотелось сломать ему пару костей. Желательно – на лице. Но позволить благодаря такому душевному порыву переломать ноги себе и продлить тем самым на максимально неизвестный срок мытарства по цифровым полигонам Денис, понятное дело, не собирался. Тем более что точно знал: это сатанинское развлечение, названное каким-то психом игрой, боль дублировала с наиболее поразительной идентичностью. Пожалуй, лучше всего остального, что воспроизводила по образу и подобию реального мира. Поэтому он, не отказав себе в удовольствии напоследок издевательски отсалютовать усатому индюку, ринулся следом за девицей.

Сзади гроыхнуло. Пуля пролетела где-то совсем рядом, врубившись в ствол дерева в палисаднике. Кора брызнула пережеванными волокнами. Мгновение спустя топот копыт за спиной заглушил все остальные звуки, включая проклятия главного поляка, затихающий лязг сражения и стоны раненых. Денис одним плавным движением перемахнул через забор, вильнул в одну сторону, в другую, прыгнул в густые заросли малинника, перекатился через голову. Напрасной тратой сил, времени и здравого смысла все эти маневры не были – пару раз в том месте, где должен был секунду назад находиться беглец, воздух с жужжанием дырявили стрелы. А один короткий арбалетный болт с кожаными лопастями оперения гулко воткнулся в плотно закрытые ставни дома.

Обе беглянки улепетывали через разбитый за брошенным подворьем огород. И были уже довольно далеко от Дениса. Только две косы били на бегу по спинам. Не особенно добродушная нянька тащила за руку едва успевавшую семенить ножками за ее галопом сердобольную девчушку. Та упираться и капризничать теперь, похоже, не собиралась, но все равно не было похоже, что у них выйдет скрыться от погони. Особенно если учесть, что пара всадников уже мчалась по переулку меж дворами, стараясь перехватить дамочек у спуска к оврагу, что начинался сразу за огородом.

Получается, целью их была маленькая капризуля? Пусть даже трижды виртуальная. Цифровая не цифровая, позволить им ее обидеть Денис почему-то не мог. Пусть даже и против всякого здравого смысла.

Он заметил торчащие из-под прелой соломенной крыши сарая вилы. Вернее, как – заметил. Словно прочитавший его воинственные мысли прибор в глазу вычленил их из окружающего пейзажа и даже подсветил красным. Денис выхватил трезуб, над которым Посейдон посмеялся бы от всей души, одним движением. Оба конника, как назло, были в кожаных доспехах. Пробить такие даже нормальными вилами с железными зубьями – и то вряд ли получилось бы.

Но кони-то были без всякой брони.

Не говоря уж о том, что еще и ненастоящими.

Денис кинулся наперерез всадникам, которые летели по другую от него сторону приземистого тына, прыгнул на поленицу дров, уложенную в аккурат под забором – и, как заправский метатель копья, швырнул вослед полякам свой деревянный инвентарь. Конечно, в нормальных условиях он не поразил бы не то что движущуюся мишень – в сарай, что теперь остался за спиной, вряд ли б попал. Но кровожадный суфлер в глазу вычертил прекрасную траекторию и даже вычислил тот миг, в который и следовало метнуть не особенно олимпийский снаряд.

Игра ли тому была виной и, соответственно, связанные с ней условности, но – он попал.

Вилы не сумели пробить даже ничем не прикрытый круп лошади, не то что доспех. Но коняга-то ни в медицинских, ни в военных тонкостях не разбиралась. Поэтому, как только зад ее стегнула жгучая боль, тонко заржала и сломя голову кинулась в сторону. Прямо на свою четвероногую коллегу по преследованию. Сшиблись. Пусть даже неслись по узкой улочке не на всех парусах, столкновение получилось жестким. Одна лошадь кувыркнулась через голову, выбрасывая вопящего наездника из седла не хуже, чем из катапульты, а вторая всем весом налетела на кое-как прикрученные к низким столбикам горизонтальные жердины ограды и с треском снесла их, пробуравив в падении заросли бурьяна и крапивы.

Расправа длилась не более нескольких секунд, но даже за это скромное время округа успела снова наполниться криками преследователей, выстрелами и свистом пуль со стрелами. Часть их металась по подворью, через которое убегал Денис, остальные наводнили проулок. Не собираясь больше надеяться на милость врага, Денис, пригнувшись, рванул к склону оврага. А еще успел мельком взглянуть налево, туда, где спускаться должны были его союзницы. Но их уже и след простыл.

Горнолыжный слалом, в котором вместо лыж по склону скользила задница, оказался тем еще развлечением. Корни деревьев, комья спрессованной земли, сухие ветки и прочий мусор – словно все дружно сговорились либо нанести скатывающемуся по ним организму как можно больше увечий, либо хотя бы сорвать последние портки. Он пытался притормозить стремительное нисхождение, хватаясь рукой за все, что под нее подворачивалось. А подворачивалась в основном крапива. Которая либо с готовностью хлестала широкими листьями по лицу, либо вырывалась с корнем. И в том, и в другом случаях обжигая руки. Миг, когда он наконец-то достиг дна оврага, растворился где-то на задворках сознания. Он просто лежал на спине в воняющей тиной грязи, упираясь ногами в поваленный трухлявый ствол дерева и вслушиваясь в журчание лениво бегущего где-то недалеко ручья.

В чувство его привели звуки погони. Кто-то, громко переговариваясь и переругиваясь, спускался чуть в стороне, где лог горбился куда более пологим склоном. Чертыхаясь под нос и натужно крича, Денис воздел отчаянно упирающееся против такой несправедливости тело и пошлепал по склизкой жиже вперед. Ручей, что извивался меж стволов чахлах деревьев, как и подсказывал слух, был невелик и мелок. Правда, вода оказалось такой холодной, будто всю жизнь замедляла бег своих струй исключительно с той целью, чтобы стать льдом.

Беглянок, которые, по идее, рванули тоже в эту сторону, видно по-прежнему не было. И Дениса вдруг стало мучать смутное подозрение, что лихая рубака с черной косой поманила его за собой не случайно. А чтобы он, с непривычки ломясь от преследования, как раненый лось сквозь зеркальный сервант, увел погоню за собой. Они же вдвоем смогли бы под этот шумок улизнуть.

Предположение подтвердилось, когда, вскарабкавшись по противоположному склону оврага вверх, заметно в стороне от того места, где скатился на дно, он выперся прямо на ошестинившиеся пики конников, нацеленные ему в грудь. Выследить его никому не составило труда, и все хитрые заячьи петли, которые он закладывал по дну оврага последние минут двадцать, при здравом взгляде на действительность изначально результата могли принести ровно столько, сколько попытки медведя справить нужду в наперсток.

Первой мыслью Дениса при виде направленных на него железяк было облегчение. Кинуться на них – и дело с концом. Но прежде чем он успел нажать ребрами на ближайший остро заточенный «эскейп», копыа поляков как по команде дрогнули и, словно нехотя, опустились чуть ниже. Замерли на уровне, где живот назывался уже по-другому, но еще не ногами.

Девах тоже поймали. Только очень далеко от того места, где настигли Дениса. Они вообще не собирались сигать в овраг, как и полагал Денис, намереваясь по-тихому слинять огородами да пустыми подворьями.

Глава 3

Поездка на дне тряской повозки – развлечение не из того разряда, которые хотелось бы повторить. Каждую выбоину на дороге – а вся дорога, собственно, только из них и состояла – Денис чувствовал уже и теми органами, которые в процессе болтанки на отшлифованных чьими-то задницами досках телеги участия вроде бы не принимали. Даже провалиться в беспамятство или сон не получалось – голова на обмякшей шее немедленно ударялась о высокий борт воза. Стянутые веревками за спиной руки он не чувствовал уже прилично давно, и так же давно ему не давала покоя мысль: если справить нужду прямо в штаны здесь, в игре, там, в реальной жизни, тоже обмочит портки?

Как долго длилась эта каторга, точно сказать он не мог. Ни кормить, ни поить его никто не собирался. А после того, как он кинулся на мечи поляков, едва его развязали, чтоб сходил отлить, не рисковали даже трогать. Так, попинали от души. Возможно, именно из-за этого он начал время от времени проваливаться то ли в глубокий сон, то ли, чего доброго, в обмороки. Хотя по здравому рассуждению эти черные провалы вряд ли были чем-то иным, нежели частью игры, обычной подгрузкой, когда персонаж перемещается из одной локации в другую.

Вынырнув из очередного такого темного омута беспомощности, первые секунды не мог сообразить, где находится и что вообще вокруг происходит. А когда наконец догадался, что какой-то бугай тащит его за ноги по дну телеги, стало уже поздно. Телега закончилась, и он со всего маху навернулся на землю, вниз головой. Связанные за спиной руки самортизировать падение никак не помогли. Только и успел, что стиснуть зубы, чтобы, чего доброго, не сломать их или не прикусить язык. Пока тряс головой и приходил в себя, его подхватили с двух сторон под руки и грубо установили вертикально. Чтобы не упал, конвоиры остались стоять с обеих сторон, вцепившись в руки и плечи крепкой хваткой. Впрочем, прислушавшись получше к ощущениям, Денис сообразил, что левую руку ему стиснули посильнее. Не иначе, с этой стороны его держал тот самый здоровяк с разбитой мордой в неопрятном пожеванном жупане.

Денис, конечно, не мог назвать себя специалистом в сфере лингвистики, но, на его взгляд, если кто из почтенного собрания, столпившегося вокруг, и мог зваться словом, явно составленным из двух – жопа и пан, – то как раз те двое, что стояли впереди, спиной к нему. Толстяк очень здорово подходил под данную формулировку за счет внешнего вида. Второй, чванливый ворюга, приказавший покалечить его, но ни в коем случае при этом не убивать, – благодаря внутреннему своему миру.

Сейчас, хвала небесам, оба не обращали на пленника ни малейшего внимания. Смотрели куда-то вперед. Точнее в сгущающихся сумерках определить было нельзя. Единственное, что можно было утверждать совершенно точно, – это то, что привал сделали на полузросшей лесной дороге. Темные кусты и чахлые деревца обступили заброшенную колею так тесно, будто соревновались, кто быстрее сможет пустить побеги на самой ее середине.

Поначалу Денис принял этот звук за очередной порыв ветра, ворвавшийся в переплетенную гущу веток над головой. Но очень скоро из шороха неясного шума можно стало вычленить звуки человеческого присутствия: приглушенные травяным ковром шаги.

– Спаси Христос, добрые люди.

Голос говорившего вполне мог принадлежать и бабе, будь она достаточно солидна и дородна. К тому же угадывалась в нем некая хитринка, какую обрести может лишь человек, для которого плутовство давно стало призванием. Говор хоть и отличался от привычного Денису языка, но походил на родную речь куда больше, чем поднадоевшее уже польское квохтание.

– С чего бы это он тебя, еретика, спасать кинулся? – хмыкнул в ответ толстяк, как узнал Денис за время тележной тряски, что в этом мире именовалось путешествием, носивший фамилию Гловач.

– А ты с чего решил, что я к вам обращаюсь? Уж латинян-то от добрых людей отличать еще умею.

– Что ж тогда грех берешь на душу, торгуя с поганим людом?

– Так ить хвосты с рогами у вас пока еще не отросли. Подождем. Чем сегодня торгуем?

Толстяк мельком глянул на главного, будто молчаливо испрашивая разрешения на продолжение диалога. Тот, важно заткнув большие пальцы за уворованный пояс, горделиво вскинул свой клюв. Как будто искренне считал, что, не гляди он на человека непременно сверху вниз, то и разговор не состоится.

– Нужно доставить за стену пятерых, – коротко и, ясное дело, надменно процедил Торунский.

Прятавшийся в налившейся под деревьями тьме незнакомец присвистнул. Был он этой просьбой так озадачен, что даже отбросил осторожность и показал нос из тени. Тот, к слову, оказался мясист и изряден. Как и сам его владелец. Конечно, до размеров кабана Гловача ему было еще жрать да жрать, но двигался он, совершенно очевидно, именно в этом направлении. Хитрый прищур глаз скользнул за плечо поляков, остановившись на скрученном Денисе. Судя по тому, как шевельнулись комковатые ноздри на картофелине носа, дрогнули кустистые брови и выпятилась из неряшливой бороды верхняя губа, цена пленнику была назначена сразу же, и вряд ли размер ее мог порадовать продавца.

– Убить дешевле будет.

– Убить и без тебя могли.

– Чего ж не добились? Видно ж, что старались. Вон, ухо разлохматили. Чем это? Пулей, что ли? Совсем, панове, стрелять разучились?

– В тебя не промахнемся, – беззлобно проворчал Гловач.

– Да и моим людишкам в тебя особо метить не надо, – хохотнул бородач.

Незнакомец снова прошелся оценивающим взором по некондиционному лицу Дениса. И вновь остался недоволен увиденным.

– Давайте лучше погутарим за остальных четверых, – выдохнул он. – Меня вы сюда вызвали явно не заради этого доходяги.

– Какая тебе разница? Цену я менять не собираюсь, – холодно процедил ротмистр, стиснув ладонь на рукояти уворованного пистолета.

– Так и я тоже. Если, конечно, не окажется, что мне самому себе легче кол в задницу вбить, чем ваших людишек до места доставить. Рисковать я, знаешь ли, не любитель. Особенно когда попусту и на ровном месте. За-ради чьих-то барышей.

– Каких таких «чьих-то»? – пропыхтел Гловач. – Как раз для своих личных. Ты знаешь, мы платим всегда серебром. А коли не нравится оно тебе, найдем до него другого охотника. Слыхал я, что некоторые московиты со смолянами бойкую торговлю развели. Ночью выстреленные днем по городу ядра меняют на харчи.

– Брехня.

– Вот и поглядим.

Ночной гость помолчал, переминаясь с ноги на ногу. В подлеске за его спиной зашумела листва. То ли ночная прохлада тронула молодые побеги упругим дыханием ветра, то ли затаившиеся там люди напомнили переговорщику о своем присутствии. И общности интересов.

– Ладно, – сплюнул под ноги бородач, недовольно двигая бровями. – Показывайте остальных.

Толстяк развернулся и махнул рукой, подавая знак кому-то за спиной Дениса. Переругиваясь и позвякивая оружием, со стороны замершего где-то позади обоза двинулось несколько людей. Денис повернул было в ту сторону голову, но горилла Стась, мощный ровно настолько, насколько и тупой, пресек эту попытку на корню. Рванул за волосы, вернув начавшую поворачиваться голову в первоначальное положение. Не исключено, что просто любил насладиться

теми моментами, когда появлялась возможность продемонстрировать свою власть. Моментами наверняка редкими. А может, просто выказывал таким образом отношение к пленнику. Если взять во внимание распухший нос, то ничего удивительного в такой неприязни, пожалуй, не было.

А вот чему Денис удивился по-настоящему, так это собачьему ворчанию. Не зычному и угрожающему, какое исторгает глотка здорового волкодава, а визгливому, словно заранее ожидающему ответа в виде пинка под зад.

– Тише, тише, Прошка. Никто тебя не обидит.

Девчушка, бросившаяся на защиту четвероногой доходяги в задохнувшемся от гари, пороха и крови безлюдном хуторке, и теперь продолжала покровительствовать псине. Судя по всему, даже кличку какую-то ей придумала. Несла блохастого на руках.

Спутница девчушки, уже без сабли на боку и с растрепанными волосами, на псину смотрела без какой-либо приязни. Хотя чему тут удивляться? Полонянка среди стаи сытых лишь прелестями войны гамадрилов... То, что кое-кто из них пытался утолить с ее помощью голод другого характера, можно было догадаться при взгляде на ее жупан. В предыдущую их встречу он был застегнут наглухо, до самого горла. Теперь ворот болтался, нескольких застёжек не хватало. Не было видно и сапог. У кого из польских мародеров могла оказаться такая маленькая нога, что он позарился на женскую обувь, можно было лишь предполагать. Руки воинственной няньки тоже были стянуты за спиной. Что все равно не делало грудь хоть немного визуально больше.

В момент, когда Денис делал про себя именно это замечание, остановив взгляд совсем не на прекрасных глазах, она снова зыркнула на него. Что называется, ни раньше, ни позже. Такой холодной брезгливости, каким окатил его не особенно томный взор дамочки, мог бы позавидовать любой копрофил. И ведь не скажешь, оправдываясь, мол, ты не так подумала, я вовсе не хотел паяться на твое хозяйство, ты вообще не в моем вкусе... Выдавлив кислую полуулыбку, Денис едва дернул плечами, вроде как извиняясь. Пусть даже и не за что было. Но длинноволосую стерву этот примирительный жест почему-то лишь еще больше разозлил. И выразить свое осуждение она предпочла наименее женственным в представлении Дениса образом. Девушка совершенно несимпатично скривила рот и плюнула в его сторону. Причем не как-нибудь там символически. Тугое ядро харчка едва не долетело до него, шмякнувшись в траву у самых ног.

– Мне такой верблюд без надобности, – тут же обратил внимание на ненадлежащее красной девице поведение бородатый. Разумеется, в попытке набить цену. – А если она и в меня начнет также слюни раскидывать?

– Если кто и начнет раскидывать слюни, то уж точно не она при виде тебя. Ты еще нам доплатить должен, что мы тебе такую справную бабу сбагриваем. Может, пока везешь, сумеешь уболтать на то на се...

Взгляд рекомой бабы немедленно переместился на спорщиков, и если б смекалистый конвоир не догадался удивительно вовремя накинуть ей на рот ладонь, то она б уж точно сказала, что именно сделает со всеми желающими поболтать с ней о том о сем.

– Ты где тут справных баб увидел, мил-человек? Ты ж не про эту вот погремушку с костями сейчас говоришь? У латинян все настолько плохо с харчами, что женок своих уж вовсе не кормите? Но я троих только вижу. Вы же про пятерых сказывали.

– С этим еще проще. Оставшихся двоих даже тащить не придется, – хмыкнул Гловач. – Я с вами пойду. И вот этот добрый воин. Зови его Стась.

* * *

Темный небосвод с хороводами звезд и равнодушно озирающей окрестности луной был чист и благостен. Крики ночных птиц да убаюкивающий шелест деревьев долгое время оставались их единственными спутниками. Конвоировали их строго и молча. Развязывать руки не стали ни Денису, ни воинственной его спутнице. Разве что поначалу попытались отобрать у сердобольной девчушки псину – вздумай та залаять, вся конспирация устремилась бы коту под хвост. Но собачья заступница при попытке насильственного расставания так заголосила, огласив писклявым голоском мирно спящую чащобу, что животину ей немедленно вернули обратно. Пусть лай в ночном лесу звучал бы не вполне уместно, детский рев был бы уместен куда меньше.

Когда вышли к берегу реки, за которым угадывалась темная громада стен средневекового города, и уселись на берегу в ожидании, видимо, плавсредства с той стороны, бородач с картофелиной носа подошел к Денису.

– Баш на баш, – объявил он вполголоса, косясь на перешептывающихся чуть в сторонке поляков.

– Чего? – Денис уставился на носатого так, будто ослышался. Вероятно, так оно и было. Особенно если учесть, что с него этот барыга поймет ровным счетом ничего не мог. Все более-менее ценное содрано было поляками задолго до их встречи.

– Я вам жизнь спасаю, ежели ты не заметил, – пояснил провожатый, таинственно понижая голос и продолжая пялиться на неповоротливую речную рябь, словно интересовала его сейчас исключительно она. – Не встрянь я, когда ваша страхолюдина принялась крыть почем зря моих людишек, они вам всем уже потроха бы повытаскивали.

– И тогда ты ими бы набил свои карманы вместо денег?

Носатый недовольно насупился, перевел взгляд на реку. От нее на берег напал туман, лохматыми серыми ключьями обволакивая заросли камышей. Приглушенный плеск вялых волн, лениво набегавших на песок, мерно убаюкивал. В зарослях возилась какая-то живность. Со стороны леса доносилось приглушенное то ли расстоянием, то ли густой листвой уханье да нашептывал что-то ровный шум деревьев.

– Лады, давай прямо, – пошел на второй заход допроса контрабандист. – Я же вижу, что ты с этими деваками людишки не простые. Мне бы знать, насколько...

– Чтобы никто из обиженной родни не принялся искать одного ушлого проводника, который помог умыкнуть их кровинушку?

– То уж мои заботы, для чего.

– Ну, тогда иди поинтересуйся у тех двух: толстого да переростка. Они уж точно знают.

Носатый зло стиснул рот, отчего борода вокруг рта вздыбилась и собралась в кучу. Перевел взгляд на пленника, и ничего доброго в узких провалах его глаз Денис не прочел.

– Я ведь могу тебе и башку оттяпать. Эти двое не успеют подбежать.

– То есть не дал выпустить мне кишки своим людям только для того, чтобы лично оттяпать башку? Да еще и остаться при этом без барышей? Что ж, сделай одолжение.

И Денис покорно опустил голову, подставляя затылок под потенциальный удар саблей. Но взвизга вынимаемого из ножен клинка так и не дождался. Когда снова поднял лицо, барыга все так же неотрывно глядел перед собой, словно больше всего на свете его занимало то, что могло с минуты на минуту вынырнуть из невесомо качающегося над водой белесого марева.

– Давай так, – выдохнул Денис. – Я тебе скажу все, что знаю, а ты за это воспользуешься своим ножиком по назначению.

– Это как?

– Воткнешь его мне в ребра, чего непонятного? Или ты только хлебушек им резать привык?

– Не понял, – вылупил на пленника бородач. Видать, предпринимательская жилка, которая вряд ли занимала менее двух третей его тучного организма, никак не могла принять такую постановку вопроса.

– А ты подумай.

Думал картофеленосец долго. Шевелил бровями, хмурился, теребил конец пояса, чесал бороду. В конце концов, покосился на женскую часть их экспедиции. Мелкая ее половина знай себе наглаживала устроившуюся на коленях шавку, а неадекватная – активно терлась щекой об остро встопорщенное плечо, стараясь сдвинуть перетянувшую рот повязку.

– Верный, значит, да? – озадаченно пожевал он губами. – Выходит, не ошибся я. Гусыни эти – какого-то знатного полета птицы, раз уж холоп ихний готов за них без разговоров шею под меч класть...

Он покосился на поляков, похоже, почуявших неладное. По крайней мере, они перестали шептаться и начали с подозрением приглядываться к назревающему под их носом заговору. И правильно делали. Потому что шестерни в голове провожатого завертели именно в эту сторону.

– Сколько посулите, коль отпущу? И провожу, куды скажете. За отдельную, ясный день, плату.

– Тьфу! – громко и очень отчетливо разнесся над берегом реки очередной плевок боевой подруги не адекватности. Он стал последним усилием в деле избавления от повязки. Поляки, конечно, кинулись устранять возникшую аварийную ситуацию – крик истерички взвился так, что где-то в камышах, невидимые за молочной дымкой тумана, испуганно забили крыльями по воде утки. – За отдельную плату?! Да если ты, клоп, узнаешь, против кого пошел, сам запла-тишь, лишь бы тебя побыстрее четвертовали, гниль болотная! Потому что плата, которую ты и впрямь заслужил, будет пострашнее...

Пострашнее чего, договорить она не успела. Стась, то ли из-за несоответствия во времен-ных эпохах, то ли просто из-за своей деревянной тупости незнакомый с принципами джентль-менства и прочего рыцарства, натянул намордник на место. Правда, было уже все-таки поздно. Напуганная криком, собака вырвалась из рук девчушки и огласила берег залиvistым лаем. А ее спасительница немедленно принялась реветь. Не менее громко и пронзительно. А самое главное – их проводник услышал то, что и хотел услышать.

– Эй, – окликнул от опушки один из сторожевых бородач. И, придав себе вид макси-мально таинственный, прижал палец к губам. Как будто без него никто не понимал, что вся их конспирация при таком звуковом сопровождении может пойти прахом.

И тут бородач подал ему какой-то знак в ответ. Что-то показал на пальцах. Судя по тому, как мгновенно напрягся караульный и принялся коситься на своих соратников, оцени-вая, насколько жест этот заметили и они тоже, что-то он явно значил. Понял это и Гловач. И среагировал мгновенно. Взвизгнуло выхваченное из ножен железо. Проводник еле успел отпрянуть, отскочив в сторону берега, поскользнулся на рыхлой влажной земле – и, матерно вскрикнув, свалился в прибрежные камыши в треске сухих стеблей и плеске воды. Мгновенно развернувшись, толстяк выхватил из-за пояса пистолет, направил его в сторону рванувших к ним контрабандистов. Один тут же присел на колени, вскидывая тяжелый арбалет. Другой скользнул за дерево, одновременно выдергивая из колчана стрелу. Остальные, из оружия у которых были только топоры да копья, бесшумными силуэтами скользнули в кучерявую темень кустов. Либо дали деру, либо, напротив, имея уже за плечами подобный опыт неудачных пере-говоров и полетевших кувырком вылазок, затаились до удобного момента.

– Хватай ребенка! – бросил Гловач Стасю, который, тоже выхватив свой широкий кли-нок, бешено пучил глаза на бывших союзников, не решаясь кинуться на них – с его-то габа-

ритами он был для обоих стрелков превосходной мишенью. Может, в шевелении извилинами здоровяк не слыл специалистом, но уж в деле моментального и максимально оперативного отклика на четко поставленный приказ с ним, наверное, мало кто мог поспорить. Девчонка коротко пискнула, когда он подхватил ее под мышку и припустил вдоль берега. Мелкая брыкалась, изворачивалась, дрыгала руками и ногами, ни на секунду не затыкая писклявый фонтан рыданий. А по пятам за своей покровительницей и ссутулившимся поляком, который, видимо, решил, что втянутая в плечи голова создаст неудобство для прицеливания, с нудным и над-рывным лаем семенила лохматая крыса семейства собачьих.

Гловач, беглым взглядом заплывших глаз оценив маневр отступления своей подручной гориллы, цепко глянул на двоих оставшихся валяться на земле пленников. Не нужно было обладать запредельной проницательностью, чтобы понять – в сложившихся обстоятельствах перед ним встал выбор, кто из них может оказаться более ценен. Волочь разом обоих явно не представлялось возможным. Телохранительница, судя по всему, пришла к аналогичному выводу. Ругнувшись сквозь стягивающую рот повязку, она перекатилась на бок, встала на колени и, одним махом вздернув себя на ноги, припустила следом за Стасем. Со связанными за спиной руками бег выходил далеким от олимпийских эталонов, а крыльями развевающиеся полы жупана в любой миг могли стать причиной падения. Но верную няньку, похоже, занимали только рев удаляющейся в неизвестные перспективы воспитанницы и вероятность потерять ее из виду. Или – из жизни. Тугой хлопок тетивы – и басовито прогудевшая где-то над Денисовой головой стрела сбила улепетывающего великана с ног.

Вскрикнули сразу все. И девчушка, кувыркнувшаяся куда-то в медвежьих объятиях поляка, и ее пестунья, грохнувшаяся на колени то ли от отчаяния, то ли запутавшись-таки в длиннополом «пальто», и даже Гловач. Привычная отожравшаяся деловитость на его лице сменилась выражением крайней степени досады.

Правда, Денис не смог бы сказать точно, сумерки ли это сыграли с его зрением оптическую шутку или нет, но ему показалось, что короткий болт самострела, клюнув в ссутуленную спину громилы, вовсе не продырявил ее, а отскочил куда-то в сторону. Правда, о вопросе излишней фантастичности происходящего он позабыл тут же. Спрятавшийся за дерево лучник выгадал-таки момент и выпустил в продолжавшего бестолково торчать во весь рост десятника стрелу. Тонко пропев свистом оперения, она угодила поляку точно под изящно закрученные неприхотливыми узорами планки галунов. По задумке лучника, стрела должна была продырявить ему живот, разодрав кишечник.

На долю мгновения Денис даже пожалел поляка.

До того самого мига, как стрела, треснув у железного наконечника брызгами щепок, отлетела от толстяка, словно от железного дровосека из сказки.

– Да завалите ж его!

Мокрый, с вымазанными землей штанами и изгвазданным зеленоватой ряской зипуном, как наиболее уродливая русалка, выбрался из прибрежных топей проводник.

Возившийся до сих пор с перезарядкой арбалетчик вскинул наконец оружие к плечу и, даже не особо прицеливаясь, дернул за спусковую скобу. Расстояние между ним и Гловачем вряд ли составляло более трех десятков шагов, и промахнуться по такой максимально удобной по габаритам и минимально подвижной по комплекции мишени было сложно. Он и не промахнулся. Басовито прогудев в загустевшем от напряжения ночном воздухе, болт врезался точно в середину груди поляка. Но звука перерубаемых костей и треска рвущейся плоти Денис снова не услышал. Только непонятный короткий металлический звяк. Будто Гловач и вправду вдруг превратился в металлическую болванку. Правда, эффект выстрел в упор все же возымел. Досадливо крикнув, десятник грохнулся всеми своими полуторacentнеровыми потрохами на задницу, выронив из рук и саблю, и пистолет.

На месте обоих стрелков – и того, что прятался за деревьями с луком, и того, что вертел ворот арбалета, переводя очумело неверящий взгляд со своего оружия на невредимого толстяка – Денис следующую стрелу непременно послал бы поляку в голову. Едва придя к такому выводу, он решительно оттолкнулся от земли и кинулся наперерез предполагаемой траектории полета оперенной смерти.

Но и в этот раз нажать на «эскейп» методом самопожертвования не вышло. В конце концов, у этих молодцев не было оптических прицелов. Выпущенная из лука стрела прошла мимо, юрко врубившись в приречные заросли.

До слуха донеслась возня с той стороны, куда дернул Стась. Кто-то очень настойчивый и явно стервозный пытался отобрать у кого-то другого заходящегося в реве ребенка. Не иначе вгрызаясь зубами – Денис не припоминал, чтобы неаппетитная в глазах местных знатоков женской красоты деваха освобождалась от пут.

– Все! – продолжал вопить с берега носатый. – Все сюда! Не будет он стрелять! Ему нельзя себя выдавать!

Можно подумать, эти вопли, разносившиеся далеко над берегом, не привлекали никакого внимания.

Рассудив, видимо, точно так же, Гловач ругнулся в усы, встал, с кряхтеньем потирая ушибленную арбалетным болтом грудь. А потом удивил. Едва из утопленной в ночной темени чащи, топоча и с треском ломая подлесок, выметнулись остальные провожатые, толстяк пошел им навстречу. Арбалетчик успел взвести свою стрелковую шарманку и вскинул ее навстречу грузному десятнику. Он даже ухмыльнулся, предвидя миг своего неминуемого триумфа: доковылять до расстояния рукопашной рубки кабан никак не успевал.

И тогда он сделал то, что действительно успевал.

Каким-то усталым жестом поднял руку с зажатым в ней пистолетом. И нажал на спуск. В дремотных сумерках оглушительно грохнул выстрел. Прежде чем уносимый ветром пороховой дым нехотя уплыл к реке, мешаясь, истаивая и растворяясь в космах белесой дымки тумана, Гловач подскочил к завалившемуся навзничь стрелку и выдернул из его рук арбалет. Лучник, который, видимо, после криков проводника тоже решил, что таиться смысла не имеет, и вынырнул из своего укрытия, стрелу пустить все же успел. Но вышло у него это как-то излишне заполошно. Испуганно ткнув неубиваемого поляка в плечо, стрела срикошетила в сторону, понуро булькнув в лужу. Вместо того чтобы решительным и точно рассчитанным движением выудить из тула следующую, лучник вдруг решил снова кинуться в заросли. Собственно, добрался он до них вполне удачно. Но все-таки не совсем так, как хотел. Гловач разрядил арбалет точно меж его лопаток. И когда незадачливый беглец рухнул в кусты с торчащим из спины болтом, всем стало ясно, что в этой провальной для проводников дуэли дело было вовсе не в бракованности их стрелкового оружия.

Первый налетевший на Гловача копеечник метил широким жалом пики поляку в живот. А когда тот дернул коротким кордом в попытке отвести этот удар, нападающий, словно того только и ждал, выбросил острие резко вверх. Оно с треском рвущейся ткани и все тем же коротким металлическим лязгом пропороло жупан на груди, но заставило при этом толстяка разве что пошатнуться. Резкий мах заточенным с одной стороны клинком сверху вниз, поворот, пируэт – и рука копеечника в густых брызгах отлетела в одну сторону, а тело, захлебываясь кровью из развороченной шеи, в пляске диких корчей завалилось в другую. Следующий провожатый если даже и перетрухнул, то вида не подал. Потому что торчащие из кустов и загибающие землю в последних судорогах ноги лучника были очень наглядным напоминанием, что этому толстяку спину лучше не показывать. Этот тип в неловко насаженном на кучерявую башку колпаке и латаном-перелатаном кафтане явно с чужого плеча принял во внимание неудачные попытки своих побежденных товарищей. Вместо того чтобы кидаться в бой сломя голову, он принялся аккуратно размахивать топором на длинной ручке, явно намереваясь под-

рубить противнику ноги. Они вроде не выглядели закованными в какую-то неведомую и непробиваемую броню. Гловач этого не видел, но Денис заметил, что со спины щекастого польского десятника, который от навалившейся на него физической деятельности уже начинал тяжело дышать, стали обходить еще двое недоброжелателей. И решил, что не станет предупреждать одутловатого фехтовальщика о нависшей угрозе. В конце концов, новые действующие лица были не в курсе его стараний по выходу из виртуальной реальности посредством самоубийства. Может, в отличие от поляков они не станут его калечить, завершив мытарства по цифровым стежкам-дорожкам милосердным снесением башки.

– Осторожно! – завопил от берега, словно подслушав мысли пленника и с явной издевкой решив похоронить его надежды, бородастый проводник. – Сзади!

Не успел Денис удивиться, с чего это носатый решил помочь рубящему его людей десятнику, как выяснилось, что предупредить-то он как раз пытался своих людей. Денис лежал в высокой траве так, что никак не мог увидеть Стася, подбежавшего с тыла к двум крадущимся к Гловачу головорезам. Хотя как можно было не заметить несущуюся вдоль берега скалу комплекции баскетболиста? Разглядел во всей красе эту ощерившуюся образину он лишь тогда, когда великан шумно выдохнул, косо махнув широким у основания и суженным к острию тесаком. Оба нападающих как по команде выгнули спины в мучительной судороге. Видать, излишне ретивый дуболом рубанул обоим по позвоночнику. Правда, выяснять у них причины недомогания здоровяк не стал. Одному полоснул по рукам, которые тут же выпустили странного вида копье, больше напоминающее косу, а второму что есть сил долбанул рукоятью по голове. Этот сполз на землю бесшумно. В отличие от второго, который принялся кататься в траве и орать дурным голосом. Дровосек, что размахивал топором перед коленными чашечками пузана, отвлекся на эти вопли, и Гловач тут же рубанул его по ноге, ушел в пируэте в сторону, позволяя оппоненту грохнуться на одно колено, и, скупно махнув чуть закругленной полосой стали, перерубил ему основание шеи вместе с ключицей.

Остальные двое вооруженных молодчиков доходяжной наружности молча переглянулись и как по команде кинулись обратно в лес. Стась рванул было за ними, но десятник остановил его недовольным окриком. И указал вымазанным темными неряшливыми потеками клинком в сторону трясущегося проводника. Тот, растерянно таращась, пятился назад, похоже, даже не замечая, что уже по колено вошел в воду. Когда жираф в польском жупане схватил его за шкурку, он даже хлопнулся на задницу, подняв громкий плеск и едва не уйдя с головой под воду. Громила, вытащив на берег поскуливающего «экскурсовода», швырнул его к ногам десятника. Как гордое свидетельство триумфальной и безоговорочной победы. На которое, впрочем, пузатый едва взглянул.

– Где девки? – строго спросил он здоровяка.

– Там, – лениво ткнул тот пальцем за плечо. – Из одной дух выбил, чтоб не кусалась, другую к ней привязал.

– Надеюсь, не из княжьей дочери дух-то выбил?

– Не. Из той, жердины страхолюдной.

При упоминании княжьей дочери валяющийся в ногах Гловача проводник застонал раненым зверем еще протяжнее и, похоже, окончательно лишился присутствия духа. А заодно и каркасных свойств скелета – совершенно обессиленно он стек в траву. Собственно, упоминание подобной августейшей особы должно было нагнать жути и на Дениса тоже. Если бы все эти интриги не занимали его гораздо меньше, чем вопрос о поисках таблички с надписью «Выход» из всех этих игр.

Поэтому он с легкостью отмахнулся от назойливой мысли о том, первом проводнике, который притащил его в эту виртуальную мясодробилку. Ведь до того, как количество его глаз сократили в два раза, он пытался торговать с поляками информацией о том самом обозе, который они поджидали в хutorке. Получалось, и они знали, кого именно повезут в нем, и он

тоже? Но разве могла у него быть с ними какая-то связь? Кроме, разумеется, их пули в его голове?

Размышления прервали ставшие особенно жалобными всхлипы где-то утопившего в этой реке свой независимо-насмешливый тон проводника. Гловач неспешно вытер темные потеки на своем корде о его кафтан и лишь затем поглядел ему в глаза. Поигрывая при этом клинком, словно в нерешительности от того, куда же лучше его поместить – в ножны или в брюхо скулящего предателя.

– Сейчас прибудет плот. Отклик на пароль знаешь только ты. Либо говоришь, либо я начинаю отрубать от тебя по маленькому кусочку и заставляю жрать это.

– Так, может, и этого, – словно над хорошей шуткой хохотнул Стась, указывая на Дениса, – тоже нашинковать помельче?

– Нет. Этот еще нужен.

– Да на кой черт?

– А ты бы сам, остолоп, не хотел бы узнать, где он взял такой добрый доспех, от которого и пули отскакивают, и пики продырявить не могут? Ведь если бы ротмистр не велел нам под жупаны надеть кольчуги этих двух московитов, нас бы холодных уже отправили в Днепр на корм рыбам.

Валяющийся в траве Денис, глядя на поляков снизу вверх, усмехнулся не самой приветливой из своих улыбок:

– И как же вы смогли в них втиснуться?

Запал нервного напряжения Гловач, видимо, целиком и полностью погасил в отгремевшей только что стычке, а потому на прямое оскорбление даже бровью не повел.

– Не стали застегивать ремни по бокам. Так что, можно сказать, нам все равно крупно повезло. Ткни любой из этих продажных тварей нам под руку стрелой – и как знать, может, тебе бы уже и удалось кого-нибудь из них уговорить укокошить тебя. Ты ведь именно этого добиваешься всю дорогу?

Денис встретился глазами с заплывшим прищуром десятника. Тот, хмуро посмеиваясь, накручивал на палец мочалку своего уса.

Стянутых за спиной рук Денис не чувствовал уже давным-давно. Но, кряхтя и пытаясь, сумел без их помощи поднять тело в сидячее положение. И снова померялся взглядами с поляком.

– Слушай, раз уж ты такой догадливый, чего тебе стоит меня прирезать тут по-тихому? Нужны вам только эти две девахи. Или даже одна. Та, которая какая-то княжна. А моими доспехами ты пользоваться уже научился.

– Оно так. Для Стася. Меня же, когда вижу такие вот загадочные вещицы, ужасно начинает разбирать интерес, откуда они взялись, как работают и где можно набрать побольше подобных штукун. А еще лучше – как научиться их делать.

«Что-то с этой игрой все-таки не так, – нахмурился Денис. – Какая ж это подлинная историчность, если нас нарядили в непробиваемые доспехи?»

Гловач его молчание истолковал по-своему:

– Молчишь? Что ж, сейчас прибудем в Смоленск, и там я уж найду умельца вытягивать из людей секреты. Вместе с кишками и жилами.

Из глубин нависшего над липкой рябью речных волн туманного марева будто бы послышался приглушенный плеск. Потом еще раз и еще. Примерно через равные промежутки времени. На спонтанные налеты речных вод на прибрежный песок мерный звук этот не походил.

– Кажется, за нами прибыли. Что, хриstopродавец поганый, говоришь, знаешь ответ на пароль? Хочешь жить – говори. Эй, Стась! Как погрузишь всех на плот, дуй обратно к пану ротмистру. Скажешь, дело сделано.

Глава 4

Когда с головы стащили мешок, помогло это не особенно. Если с чехлом на голове ноздри забивал разве что запах прелого овса, сквозь который время от времени пробивался то терпкий дух речных заводей, то едкий дым, намешанный на вонь пороха, то без этого самобытного фильтра мигом навалился смрад безнадёги. Город явно доживал последние дни, держась за жизнь уже даже не упрямством или героизмом, а скорее силой привычки, в которую вошли и то и другое. Серые тени людей, снующие по обугленным погостам улиц. Зияющие провалами крыш, окон и судеб погибших в них хозяев дома. Разобранные то ли на дрова, то ли на оборонительные нужды деревянные мостовые, без которых дороги превратились в смердящие лужи с кружащими вокруг канав полчищами мух.

Они свернули в переулок. Дорога здесь была укатана тяжелыми возами и размочалена копытами лошадей так, словно по ней каждый день туда-обратно сновала вся Золотая Орда. Вела она к кряжистому терему. При взгляде на него сразу становилось понятно, что главную заботу в жизни его хозяина можно описать одним словом – оборона. Пустая напыщенность или тонкая, а оттого всегда незащитная красота его, похоже, занимали мало.

Их уже ждали. Охая, причитая и всплескивая руками, к малолетней пленнице тут же ринулся многоголосый бабий клубок. Скатился он с крыльца, что вело куда-то в левую часть хором, как будто русский народный хор – со сцены. Денис подумал, что их малолетняя попутчица от такого водопада внимания растеряется и, чего доброго, опять разревется. Но она удивила. С таким видом, будто ничего другого и не ждала, величаво позволила подхватить себя этому бабьему водовороту и утащить в сторону терема. Лишь у самых ступеней пискляво распорядилась, передавая кому-то собаку, чтобы ее накормили и ни в коем случае не вздумали обидеть. Потом-де проверю. Псина, впрочем, по обыкновению смотрела на любую ситуацию скептически и, как только почувствовала чужие руки, мигом взбеленилась, заворчала, принялась извиваться отчаянным угрем. А когда наконец ее от греха подальше отпустили, шлепнулась на землю, взвизгнула и метнулась, стремительно семеня короткими култышками, под какую-то телегу. Откуда принялась раздраженно и раздражающе лаять.

– Псаря кликните, пушай изловит! – вскрикнул кто-то из ансамбля нянек. Впрочем, видно было, что никого судьба дворняги не заботит и носиться ни с ней, ни за ней никто, скорее всего, не станет. А мигом преобразившаяся в важную барыню сердобольная девчуха, степенно взойдя на крыльцо, окруженная, по всему виду, привычным частоколом заботы и подобострастия, авторитетно развернулась и весомо отдала очередное распоряжение:

– Ярина, смени платье, вымойся и можешь пока отдохнуть. Как будешь нужна, пошлю за тобой.

Амазонка с растрепанной косой низко поклонилась и не разгибала спину, пока не хлопнула тяжелая дверь за последней нянькой.

– Извиняйте, ваша светлость, но баньку для вас затопим в другой раз, – недобро хохотнул кто-то из стражников. – Пока немывыми в порубе посидите.

– Ага, – под злые смешки подхватил другой, косясь на туго обтянутый длиннополым жупаном зад пленницы. – А платье можешь прям здесь начать менять. Заодно посмотрим, откуда у чертей хвост растет.

Удар получился хорошим. Прямо-таки добротным. Стервозная нянька разогнула из поклона спину и, продолжая движение, воткнула низ ладони в нос хохмача. Тот, хрюкнув, бухнулся на задницу. Из разбитого носа на усы обильно хлынула кровь.

– На свой пятак сначала глянь, хрюкало, – зло процедила цифровая склочница.

Остальные стражники шутку не оценили. Навалились, сбили с ног, воткнули лицом в землю и даже угостили парой добротных зуботычин и увесистых, если судить по размеру сапог, пинков.

– Где вожжи? Вяжи ее, гадину! – сопел один из давивших к земле фурию экзекуторов.

– Да кто додумался ее развязать? – пыхтел другой.

Денис, усмехнувшись, глянул на Гловача. Идея освободить пленников от пут пришла именно в его голову. Деться им-де во враждебном городе некуда. Явно просчитал не все аспекты и причинно-следственные связи такого человеколюбивого поступка. Поправку на стервозность и неадекватность некоторых персонажей внести определенно позабыл.

– А ты чего лыбишься? – напустился на Дениса один из тех стражников, который не принимал участия в экзекуции, но сделать это явно хотел. Его ротовая полость недосчиталась двух передних зубов, поэтому вместо «чего» и «лыбишься» он просвистел «сего» и «лыбисся». – Сисяс с бабой своей веселись будесь харей в дерьме.

– Она не со мной, – усмехнулся Денис, демонстративно убирая руки за спину. – Вы тут, ребята, сами меж собой разбирайтесь. Своими виртуальными способами. Давайте-ка пиксели отдельно, люди отдельно.

Стражник поглядел на конвоируемого, озадаченно хмурия лоб и двигая рыжими бровями. Потом кивнул тому, что стоял по другую от пленника сторону:

– Сего он казет?

– Да ляд его поймет. Собачится навроде. Только по-мудреному как-то.

– Эт нисе, ся отусим. – Обидчивый с готовностью потянул из-за голенища сапога плеть на короткой рукояти. Что Дениса вновь не порадовало. Походило на то, что в этом растреклятом виртуальном мире все было запрограммировано на то, чтобы покалечить его, но ни в коем случае не отправить в лучший – в прямом смысле этого слова – мир.

– А сабля у тебя для красоты висит? – кивнул пленник на рекомый исторический артефакт. – Думаешь, если бабой родился, так она заменит то, что у мужиков обычно под пузом болтается?

– Да я тебя ссяс! – взревел рыжий, отбрасывая в сторону плеть и хватаясь за потертую рукоять клинка.

Гловач, в очередной раз следовало отдать должное его проворности, выхватил корд из ножен одним плавным движением. Видимо, заученным куда лучше, чем «Отче наш». Потому что вышло оно столь быстрым, что стражник еле успел уклониться от внезапно возникшего прямо перед носом острия. А клинок его замер на полпути из ножен.

– Не тебе, смерд, пленных решить, – зло шуря маленькие свинячьи глазки, весомо обронил он. И обвел всю честную компанию колким взглядом.

Что характерно, те не стали бросаться на него. Отступили. Один даже, нерешительно сдернув с башки шапку, виновато поклонился. Но, разумеется, не тот, в отношении половой принадлежности которого высказал сомнения Денис.

– Ты бы, пан, полегсе сабелькой махал, – недобро оскалил свой шербатый частокол стражник. – Мы тут не станем терпеть насмешки от тех, кто город третий год морит. И тех, кто им не месае того делать, набивая свои брюхи, пока мы тут с голоду пухнем, такозе не станем.

– Стоять! – голос прозвучал ровно и требовательно. И не сказать чтобы громко. Тем не менее оказался выше суматохи. Его обладатель решительно считал шагами ступени, спускаясь с высокого крыльца.

– Не думал я, воевода, что людишки твои на подданных его величества короля Польши Сигизмунда бросаться начнут. – Гловач сопел так недовольно, будто узнал, что чревоугодие – это все-таки грех и он сегодня исчерпал свой жизненный лимит на пропитание.

– Короля Польши и Литвы, – спокойно поправил вельможа. – Они такие же его поданные, как и ты. Не стоит о том забывать. Впрочем, смоляне уж склонны думать, что король и сам о них давно позабыл. Вот и ярятся.

Вся тонкая горделивая стать выдавала в нем человека исключительно высокого сана. Который привык движением пальцев решать судьбы людей. Глаза смотрели из-под карниза нависшего лба холодно и колко. Упрямая челюсть с аккуратно стриженной бородой, в которой вились седые пряди, выдавалась вперед. И хотя наряд его никак нельзя было назвать нарядным – выгоревший на солнце кафтан, небрежно наброшенный на узкие плечи поверх белой рубахи, – вряд ли его можно было бы спутать с простолюдином. Таким, как тот же рыжий свисток, например.

Сановник приблизился к замершей посреди двора своре людей. Чуть заметно кивнул. Дениса тут же бухнули на колени перед вельможей. Один из предпринявших этот маневр служивых сгреб пленника сзади за волосы, задрал лицом вверх. Видимо, чтобы хозяин сих мест мог насладиться редкой красоты картиной опухшей от побоев рожи.

– У него что, ухо прострелено? Надо же. На вершок в сторону – и все. Счастливчик.

– Да уж конечно, – уныло пробурчал Денис. И тут же получил дичайшей силы удар по почке. А когда тело скрутило рвущей жилы судорогой, второй молодец всадил ему кулак в живот.

«И почему эти скоты не сделали свою игру от третьего лица?!» – мелькнула полная досады мысль.

Не обращая внимания на корчи и судорожные вздохи полоняного, пытавшегося проглотить боль и утихомирить сбившееся дыхание, хозяин терема поворотил лобастую голову к Гловачу.

– Что за собаку ты притащил на мое подворье?

Десятник невольно покосился на коротконогую доходягу, которую они тащили с собой от того злополучного хутора, а теперь осторожно кажущую мохнатый свой нос из-под крыльца терема. Хотя, конечно, он и понял, что речь в данном случае идет вовсе не об этом блохоносце.

– Вражий послух, скорее всего. Вышел к нам в том самом месте, где мы ждали... обоз. Появились будто бы ниоткуда. Двое. Второго пришлось убить.

– А этого-то на кой ляд сюда приволокли?

– Потому как они знали, кого именно мы ждем.

– Что? Московиты – знали?

– И предложили нам свою помощь.

Теперь этот чопорный умник уставился на Дениса совсем иным взглядом. В нем читалось что-то среднее между удивлением и прозрением. Что само по себе, конечно, было приятно. И тем не менее Денис понятия не имел, о чем эти двое тут толкуют.

– Вы предложили помощь в поимке княжьей дочери? – впервые снизошел до прямого обращения к коленопреклоненному пленнику хозяин терема.

– Лично я ничего никому не предлагал.

Удар по почкам. И следом – под дых.

«Повторяются, боты чертовы», – снова бессильно повиснув на руках экзекуторов, хмуро подумал Денис.

– Пока не кликнул палача, спрошу еще раз: с какого рожна вам помогать врагам в поимке дочери одного из своих же князей? Откуда, бесово семя, вы прознали о наших планах? И зачем вам было нам помогать?

– Я просил только об одном, – продышавшись, захрипел Денис. – Отправить меня вслед за моим напарником туда, где ваши рожи я уж точно бы никогда не увидел.

На этот раз удар искусственный интеллект порадовал разнообразием. Удар пришелся в челюсть. Зубы гулко клацнули, а мозг начал что-то видеть и соображать лишь тогда, когда глаза

показали ему растертые в труху на бледном небе перистые облака. Еще спустя пару секунд до него стал доходить смысл мирно текущего над ним разговора.

– ...не могли, что ли, допросить как следует? – властно нудел воевода. – Огонь разводить разучились? А может, ручки замарать побоялись?

– По лесам рыскать мы так привычны, что ручки давно изгваздать не боязно. Но этот христопродавец – с ним что-то явно не так. Не знаю, чего он знает и каким пням молится, но все время, пока везли его сюда, так и норовил на меч кинуться. И даже здесь людишек твоих специально подначивал, чтобы порешили его.

– Н-да... Действительно странно. Это что ж, он знает нечто такое, что предпочитает умереть, чем проболтаться? Что ж. У меня есть люди, которые умеют развязывать язык. В поруб его!

– А бабу? – словно сам удивившись своей храбрости, нерешительно подал голос рыжий.

– Туда же, – небрежно махнул рукой воевода, разворачиваясь. – Пусть начнут без меня.

«Что? Попытки?! – орал Денисов внутренний голос. – Да какой извращенец вообще догадался это вставить в игру?! В игру! Ну уж нет! С меня хватит!»

Мигом подобравшись, он рванул вверх, боднув затылком в лицо стражнику, угощавшему его ударами по почкам. Не дожидаясь, когда смолкнет сзади приглушенный гортанный стон, вбил подножку под колени молодчика, который пробовал на прочность его челюсть. Едва тот потерял равновесие, перехватил за ворот толстого кожаного доспеха, двинул плечом – и бросил через себя. А когда тот бухнулся прямо под ним на спину, очумело хлопая глазами, постарался показать, как можно скупое, точно и максимально эффективно вдолбить человеку нос в голову.

Все это произошло меньше чем за секунду.

Столпившаяся вокруг честная компания только и успела, что дружно охнуть.

А Денис уже подскочил к воеводе, как следует размахнулся и с отчаянным криком, в бешеном иступлении которого вырвалась наружу вся его ненависть к этой проклятой «бродилке», изо всех изысканных резервов организма сил... пнул вельможу прямо под его гордо удаляющийся зад.

Как собаку.

Важный сановник аж взвился в воздух. И совершенно непонятно было – то ли от мощи дикого пинка, то ли от не виданного доселе смертельного оскорбления.

Он яростно поворотил к обидчику вытянувшееся лицо с перекошенной рожей, что была белее его рубахи.

А Денис, во весь рот улыбаясь, развел в стороны руки и нагло встретил убийственный взгляд вельможи своими бесшабашно голубыми смеющимися глазами. В которых читалась залихватски безнадежная мысль: «Ну, и что теперь тебе осталось делать? Давай! Убивай!» Стражники после секундного замешательства бросились к нему, но он и не думал обращать на них внимания. Нагло и беззастенчиво продолжая плясать на воеводу, пока его не сгребли, не сбили с ног и не принялись пинать кто во что горазд. На миг даже показалось, что план удался, – в какой-то момент Денис перестал чувствовать собственное тело, сознание будто выскользнуло из него и поплыло, паря в воздухе легко и свободно. В тот самый, лучший, настоящий мир.

Но ощущение это продлилось недолго.

Путь в прекрасное далеко прервался резко и сурово. Кто-то цепкой клешней схватил его за горло и дернул обратно, вынимая из долгожданного пути к невесомым небесным сферам и прекрасным радугам. А затем принялся трясти – требовательно и жестко.

Все осталось на своих местах. Деревянный терем, два высоких резных крыльца, толпа хмурых рож вокруг, вытаращенные глаза босоногой няньки, которую кто-то уже поднял с земли, прищуренные – польского хряка и, прямо перед носом, отливающий льдистой сталью взор воеводы.

– Ваша милость, – опасливо проговорил Гловач. Похоже, всерьез опасался, как бы местный царек от неосторожно оброненного слова не вцепился точно так же и в его горло, – этот лазутчик может быть полезен...

– Знаешь, что может быть полезно сейчас Смоленску?! – Взгляд воеводы неотрывно продолжал жечь ледяной злобой глаза Дениса. – Чтобы наконец под его стенами объявилось посполито рушения! Чтобы у меня было огненного боя вдвое больше того, что имею сегодня. Людей – втрое! Каков пушечный наряд московского князя? Они только начинают пристреливаться, а у меня уже половина города полыхает и задыхается от дыма. Тела закапывать не успеваем, а раненых девать некуда. Что же тогда будет завтра? Ад? То я и сам ведаю! Так что же такого может сказать мне этот мятый приبلуда, чего бы я сам не знал?

Он наконец поворотил лицо к Гловачу. Шумно выдохнул, вероятно, приходя в себя и начиная сожалеть о вспышке гнева. Если уж главный в осажденном городе человек поддается панике, то чего тогда спрашивать с остальных?

– Пленника твоего – на кол. Не хватало еще мне от безродных собак срам иметь. Все слышали? – обернулся он к своим головорезам. – Готовьте для него трон. Такой, чтобы подольше на нем корчился.

* * *

В подземелье пахло сырой землей, затхлостью, кровью и щемящей безнадежностью. Прелая солома шуршала и воняла при каждом движении. Неверный свет, падающий через ничтожное оконце под самым потолком, и днем-то наверняка бы очень несмело рассеивал темень. Теперь же в нем тускло серели сумерки. Мгла окутывала каждый уголок беспросветной темницы и мыслей. Попробуй отмахнись от мыслей о самой страшной казни из всех, которые только были когда-то придуманы человеком.

– Зачем ты это сделал?

Она забилась в дальний угол, превратившись в зябкий силуэт на фоне затопившего подвал серого мрака. Пока их тащили сюда, не проронила ни слова. Даже не лягнула и не укусила никого из стражников, когда освобождали от пут. А потому от звука ее голоса он невольно вздрогнул – никак не ожидал его услышать.

– Не собирался я никому выдавать твою княжну, – наконец нарушил он тягостное молчание, нависшее над ними гораздо более тяжким саваном, чем ночная мгла. – Я вообще оказался здесь случайно. Может, тот, второй, с кем я попал сюда, и задумывал что-то такое, не знаю. Во всяком случае, я о том не имел ни малейшего понятия.

– Вообще-то я имела в виду вельможного пана Юрия Сологуба, смоленского наместника.

– А что с ним не так?

– Хм. Вообще-то не бывает такого, чтобы безродный смерд пинал боярина под зад. Он и заговаривать-то с ним права не имеет. Может только кланяться до земли да шапку ломать.

– Так, может, я его любя пнул. Со всем почтением. Просто хотел вознести его чуть поближе к небесной выси. Чтобы он там торчал еще более гордо.

Она то ли осуждающе фыркнула, то ли, стараясь сдержаться, прыснула со смеху. Точно разобрать было трудно.

– И все-таки не могу понять, кто ты и откуда.

– Да какая теперь разница? Честно сказать, я и сам порой не уверен, кто я и откуда. И какого черта тут делаю.

– Но как хотя бы тебя звать?

– Денис.

– Грек, что ли? Я – Ярина.

– Да, слышал, как тебя княжна называла.

При упоминании малолетней подопечной между ними снова почти ощутимо выросла стена неприятия. Она опять надолго ушла в себя, словно в ее силах было соткать из окружавшей их сумрачной завесы непроницаемую и ничем не пробиваемую стену.

«Уже начинаю думать о них как о живых людях», – поймал он себя на неожиданной мысли.

– Как ты появился на шляхе? – вновь ни с того ни с сего разомкнул уста тишины ее вопрос. В тот момент, когда он уже смирился и даже пообвыкся с тягучим безмолвием.

– Поляки выставили. Разули, раздели, отмутузили – и воткнули пугалом посреди дороги.

– То есть ты вроде как сам жертва и не считаешь себя в чем-то виноватым. – Не нужно было обладать каким-то специальным психологическим образованием, чтобы уловить нотки презрительного сарказма в вопросе. Поэтому он не стал ее разочаровывать.

– Ну, почему же? Вообще-то я сам начал ту стычку.

– В которой убили твоего спутника?

– Ага.

– Зачем?

– Надоело играть в казаки-разбойники и смотреть на все эти насупленные рожи. Как будто все происходит всерьез и на самом деле.

– То есть ты считаешь, что все это происходит не на самом деле?

– Нет, не считаю. Так оно и есть.

– Так ты из тех истовых богомольцев, кто считает царство небесное более реальным миром, чем наш, бренный? Просто ты не похож ни на блаженного, ни на святого. Или ты язычник?

– Нет. Просто из другого мира. Реального.

– Ясно. Все-таки блаженный.

– Нет, абсолютно нормальный. Может, именно поэтому хочу побыстрее вымарать себя из этой нарисованной картинки.

– И как же такого реального и достойного мужа угораздило попасть в наш недостойный мирок?

– Да очень просто и обыденно. Вернулся с войны. Ни работы, ни денег. Ни перспектив. Но тут на меня вышли какие-то деловитые люди в отутюженных галстучках. И предложили поработать испытателем. Никакой опасности и вероятности печальных последствий. Просто надо было проверить на вшивость некую совершенно новую разработку в цифровой виртуальной сфере. Настолько близкую к реальности, что для устранения возможных негативных последствий для ее приобретателей решено было для начала провести серию испытаний на людях закаленных и привычных ко всякого рода неприятностям. Ветеран военных действий для такой цели вполне подходил. Меня втиснули в какую-то вашу местную броню – которую, кстати, уперли у меня наши польские знакомцы, – сунули в какую-то капсулу, конуру по-вашему, и погрузили то ли в сон, то ли в состояние наркоза. Ну, чтобы тебе понятнее было – выбили дух. И очнулся я уже в том занюханном хуторке, не к ночи будь он помянут. А сейчас думаю и не нахожу ответа на вопрос: зачем все-таки я здесь? То ли испытывать продвинутый виртуальный мир, то ли испытывать возможности человека, интегрированного в цифровую действительность. На самом деле я ведь даже не знаю, лежу я сейчас на какой-нибудь кушетке, обвешанный проводами и датчиками, или, наоборот, стою в голографических очках посреди пустой комнаты и очень глупо выгляжу, повторяя все движения, которые делаю тут. Этот немного раздражает. А когда началась вся свистопляска с битьем и прочими пытками, я решил: все, хватит с меня испытаний, пора отсюда и честь знать. Правда, другого способа, как подставиться под колюще-режущий предмет, не придумал.

Он выдохнул, испытывая какое-то иррациональное облегчение, что выговорился хоть кому-то, пусть даже виртуальному болванчику.

– Еще вопросы есть?

– Да нет, конечно, – максимально близкий к издевке сарказм продолжал совершенно некорректно сквозить в интонациях няньки. – Мне все предельно ясно.

– Ну, да, – не стал спорить Денис. – Каждый остался при своем мнении. Привычный итог спора двух взрослых людей. Хотя в этом отношении ничего по сравнению с реальностью не изменилось.

– А почему ты не спрашиваешь, откуда мы взялись в том хutorке?

– Потому что мне плевать.

– Из-за того, что мы тут все не настоящие?

– Именно.

– Ну, ладно. Не буду все-таки твою светлость донимать.

– Как угодно.

* * *

Спать, когда мысли полны предвкушением собственной мучительной казни, – то еще удовольствие. Бока, перенесенные каким-то хитрым образом из реальности на цифровой холст, более удобными после этой процедуры не стали. Равно как и спина, спать на которой тоже было муторно и неловко. Хотя, может, дело было в вони соломы. В которой вроде бы кто-то жил, постоянно шевелясь и шебурша. Да и холодный земляной пол являл собой полную противоположность анатомического матраса. Да вообще любого матраса. Или даже раскладушки. Со сломанными ножками.

Поэтому, когда посреди ночи требовательно лязгнул засов и заунывно скрипнули ржавые петли двери в темницу, он даже вздохнул с облегчением. Приподнялся на локте и глянул вверх. Странно, но было еще темно. В крохотном оконце под потолком отражался лишь дрожащий свет жаровен во дворе. Впрочем, он уже успел убедиться, что вставали тут рано. Само понятие «утро» в средневековом зазеркалье и в настоящем мире отличалось очень сильно.

Но в раскрытую дверь вошел вовсе не палач. Трепетная пляска огня выхватила из темноты округлый силуэт. Грузная его тень распласталась обширной студенистой кляксой на стене поруба.

– Пойдешь со мной, – коротко бросил Гловач, развернулся и тут же снова шагнул в темный дверной проем. Даже не оглянулся. Будто не сомневался, что пленник непременно послушает его и подастся следом.

Собственно, а почему бы и нет? Других безотлагательных дел или занятных развлечений никто вроде бы не предлагал. Денис вышел во двор в сопровождении двух вооруженных стражников, каждый из которых зыркал на него исподлобья и, казалось, только и ждал повода выхватить из болтавшихся на боку ножен саблю. Конечно, таким чудесным приглашением он воспользовался бы с радостью. Если бы только был уверен, что добрым молодцам дана команда зарубить его. А не покалечить, как уже вошло в традицию этих чудных своим гостеприимством виртуальных краев.

Вели довольно споро и решительно. Чрезвычайно торопливо. Или, например, тайно. Вислоусый десятник ждал в глухом закутке под навесом.

Насупив брови так, что маленькие глазки под их кустистыми карнизам превратились в мрачные провалы, толстяк нетерпеливо кивнул стражникам. Те послушно отступили в тень.

– Времени нет, – без обиняков начал десятник. – Я заплатил людям воеводы не так много, поэтому разговор будет недолгим. Понятия не имею, кто ты такой, что тебе надо и какого черта ты свалился нам на голову. Мне это и не интересно. А интересно то, что ты мне можешь предложить.

– Тебе тоже не терпится получить под хвост? Меня вот-вот посадят на кол. Чем ты можешь напугать меня еще больше?

– Вероятно, тем, что выход, который ты пытаешься найти из столь презируемого тобой мира, находится вовсе не там, где ты думаешь.

– Что?

– Я не знаю, кто ты, откуда и какой, черт тебя во все стороны раздери, веры. Плевать. Все схизматики и язычники все равно провалятся в пекло. Правда в том, что я нужен тебе ничуть не меньше, чем ты – мне. Из-за этой вот штуки, что я нашел в подкладе твоей брони...

Продолговатая вещичка размером меньше ладони напоминала электрод от электрофореза. Эту медицинскую процедуру он почему-то запомнил со времен детства. Хотя никогда не понимал ее смысла. Собственно, вероятно, поэтому воспоминание о ней и пришла ему в голову. Потому что и назначения штуковины, которую совал ему под нос шляхтич, он тоже не мог взять в толк.

– С чего ты взял, что эта безделушка может быть важной?

– А иначе зачем было подшивать ее так, будто она самая изрядная из всех возможных тайн? И надпись здесь на довольно странном языке. Не заметил? Вот, мелкая, по правой кайме.

Приглядевшись, Денис и впрямь заметил мелкие, едва заметные буквы, выдавленные в странной фразе: «Гляди внимательнее. Escape – здесь».

Escape? Это что же – выход? Выход отсюда?! Неужели эта ненужная безделушка каким-то непостижимым образом может быть золотым ключиком от тайной дверцы из этого Поля чудес? Денис впился глазами в «электрод», теперь пытаюсь рассмотреть его внимательнее и уже не думая скрывать вскипевшую горячку интереса. Что, само собой, не укрылось от внимательного взгляда Гловача.

– Надо же, как ты взъерепенился. Неужто передумал усаживаться на кол? Подожди, это еще что. Обратил внимание на обратную сторону? Заметил, что она темнее? Так вот, если присмотреться очень пристально... давай-давай, не стесняйся, поднеси прямо к самому носу. Видишь? Это не какое-то там жирное пятно. Это – карта. Очень мелкая. Видишь? Крепостные стены, храмы, кварталы. Неожиданно, да? А знаешь, что интереснее всего?

– Для меня – как ты смог разглядеть все это.

– Вероятно, потому, что мне не пришлось очень близко совать ее к носу. Довольно знакомые, видишь ли, места.

– Да что ты?

– Да. Это – Смоленск. Интересно, правда? То самое место, где мы сейчас находимся. Не догадываешься, что делала карта сего града в твоих доспехах? Правда, нет никаких мыслей? А вот я полагаю, что все это очень неспроста. Где-то здесь должно быть помечено некое место, куда тебе следовало бы явиться в случае, скажем так, неприятностей. Должны же быть у вас пути к отступлению. Как думаешь? Что ты так замер?

Денис действительно застыл, боясь пошевелиться. Он понятия не имел, как все это работает, но очень сильно походило на то, что Гловач был прав. Когда он в очередной раз моргнул, вглядываясь в непонятную пластину, оптика в правом глазу неожиданно мигнула и зарыбила зеленоватым отсветом. В котором неряшливое пятно крошечной карты вдруг встало на дыбы, поднялось в трехмерном изображении, скакнуло вширь – и запульсировало небольшим красным кружком в каком-то городском квартале, примыкавшем к одной из башен крепостной стены. А в подтверждение того, что ушлый польский десятник на удивление зрел вглубь вопроса, над точкой этой с готовностью зажглась такая же пурпурная надпись: Escape.

– Что ты застыл, тебя спрашиваю? – нетерпеливо схватил Дениса за рукав Гловач. – Что ты там увидел?

Значит, трехмерную карту видел он один. Наверняка исключительно благодаря линзе. Но каков в том был прок? Города он все равно не знал, где находится подворье наместника и как пройти к отмеченному на карте месту, понятия не имел.

Оторвать глаза от карты его заставил потерявший терпение Гловач. Он выхватил кинжал, схватил пленника за горло, придавил его к стене приземистой постройки и приставил острие к щеке Дениса. Так, чтобы глазное яблоко почувствовало упругое давление клинка на нижнее веко.

– Не нравится мне твой правый глаз. Что это он у тебя светится, как у кошки в темноте? Видишь то, что скрыто от других, бесово ты отродье?

– Тебе-то что за дело?

– Такое, о котором уже говорил. Если у вас где-то здесь схрон, я тебя отведу к нему. Но все, что найдем там, – мое.

– Это как же ты собрался умыкнуть меня под носом воеводы?

– Поверь, если Сологуба и волнует завтрашнее утро, то вовсе не из-за твоей казни. Московит приволок под стены Смоленска такой пушечный наряд, какого мало кому доводилось видывать в жизни. Чертова уйма тюфяков, пищалей и прочего огненного боя. А самое главное – приволок и своего «Павлина».

– Кого?

– Мортиру, которая, говорят, палит тринадцатипудовыми ядрами.

«Ядра в 200 килограммов? Да уж, такое прилетит, мало во всех смыслах не покажется».

– Все указывает на то, что обстрел начнется в самое ближайшее время. Потому-то мы так торопились доставить сюда мелкую засранку Глинскую.

– Девчонку, что ли? Думаете, она сможет отбивать ядра по два центнера весом?

– В чем ты, поганый пес, считаешь вес, мне неизвестно. А поможет она тем, что не позволит обстреливать город. Брат ее папеньки Мишка Глинский, герцог Михель, как его многие тут величают, шесть лет назад устроил в Литве великую замятню. Поднял, вражий сын, оружие на своего короля. За что был бит. Бежал в Москву. И теперь вот хриstopродавец от лица великого князя Василия ведет переговоры с боярами Смоленска о сдаче города. Говорят, мечтает его своей вотчиной сделать. Так вот хрена ему лысого. Пока он важничал пред смоленскими панами своей спесью и немереной гордыней, нам помогли обманом выманить сюда дворню его брата с малолетней племянницей. Написали, вопрос-де о передаче града под руку Глинских уже решен, можно переезжать сюда. Они и подались. Ну, как мы наградили их людишек, ты и сам видел. Непонятно лишь, какого беса вы двое хотели нам в этом помочь. Хотя сейчас мне то неинтересно. Важнее то, что братья Глинские уже получили от нас весть о судьбе малолетней Елены. И теперь станут вести переговоры с осажденным городом совсем по-другому. Московит уверен, что литовский изгнанник Михаил Львович представляет исключительно его интересы в переговорах со смолянами. На самом же деле он будет следовать нашим указаниям. И вести торг в нужном королю Сигизмунду русле.

– Сделаю вид, что мне интересно, и спрошу, что ж это за русло такое.

– Тянуть время так долго, насколько это возможно. А когда станет невозможно – сдать город. Но! На наших условиях. Чтобы как только король соберет войско и ударит по схизматикам, Смоленск поддержал его и вновь выступил на его стороне, хорошенько наподдав Василию в спину. Или пониже спины, – довольно хмыкнул шляхтич, – это как уж выйдет.

– Мои лавры спать не дают?

– Если что и не дает мне спать, так это то, что люди Сологуба успеют порешить тебя раньше, чем ты сможешь сослужить мне службу. Как видишь, я раскрыл перед тобой все карты. Теперь твоя очередь, а?

– Не помню, чтобы мы об этом договаривались.

– Не помню, чтобы у тебя был какой-то другой выход. Я – единственный твой шанс выжить и добраться до нужного тебе места.

– Но если мелкая заложница у вас, ее знаменитые предки о том извещены – с чего ты взял, что в таком случае может начаться обстрел? Напротив, теперь ее батюшка сам встанет перед пушками, лишь бы этого не допустить.

– И это сразу будет воспринято как измена. Глинские не станут действовать в лоб. Скорее всего, постараются убедить великого князя устроить показательный обстрел. А после демонстрации силы можно ведь вновь вернуться к переговорам.

– И как ты сможешь вытащить меня?

– Спрячу тебя здесь. – Он кивнул на решетку из проржавевших железных прутьев, за которой угадывался темный провал подземелья в каком-то метре от их ног. Видимо, навес, под которым они сейчас стояли, служил как раз для того, чтобы первый же ливень не сделал узников этого погреба утопленниками.

– По-моему, сидеть в подвале повеселее, чем в какой-то выгребной яме.

– С чего ты решил, будто я забочусь о твоём комфорте? В эту яму бросают сброд, преступления и преступления которого не требуют суда. Душегубы, ушкуйники, предатели. Сейчас там трое. На рассвете им отрубят головы. Четвертого там быть не должно, и потому вытаскивать его оттуда никто не станет. Так что сиди тихо. Когда будут вывозить их тела, вместе с ними вывезут и тебя.

Глава 5

Высота была приличная, чтобы узники не могли дотянуться до верхнего края даже в том случае, если один залезет другому на плечи. Поэтому удар в ноги получился таким жестким, что аж колени занули и челюсть клацнула. Если бы не выучка, в момент приземления мгновенно кинувшая тело в кувырок, вряд ли обошлось бы без перелома.

– Чьих будешь? Не крымчак бы случаем? Айга-мурзу знаешь?

Резко обернувшись, Денис уперся невидящим взглядом в непроглядный сумрак. Глаза еще не успели привыкнуть к отсутствию хоть какого-нибудь света.

– Ты не пялся, – проворчал ровный и чистый, словно у попа на проповеди, голос. – Все одно, пока зенки не освоятся, ни рожна не углядишь. Тебя, говорю, сюда как угораздило?

– Поймали, – неохотно ответил Денис.

Таинственный собеседник неопределенно крикнул. То ли рад был услышать хоть какую-то, даже такую, шутку, то ли, напротив, не приветал таких дерзких зубоскалов.

– Шутействовать любишь? Эт хорошо. Только смотри не перестарайся. А то лишний шум поднимется – и опять зальют нас помоями по самые колени. В прошлый раз я так на то озлился, что Рыжему язык оторвал.

– Как?.. – хотел спросить, «как это возможно», но слова почему-то застряли в горле.

– Как, как. Обычно. Схватил его пальцами, вынул на свет божий да как следует двинул кулаком снизу в челюсть. Считай, сам себе откусил. Думал, захлебается своей кровью. Не, выжил – хе – зачем-то. Один черт башку оттяпают.

Денис знал, конечно, таких людей, которые больше всего на свете любили нахваливать собственную неповторимую значимость. Как правило, на деле такие трепохлысты являлись полной противоположностью героям из своих рассказов о себе же ненаглядных. Но мерно и буднично звучащая речь нового знакомого так сильно отличалась от пустого бахвальства, что Денис по здравому размышлению предпочел устроиться на новой жилплощади в противоположной от этого голоса стороне ямы. Где немедленно наткнулся на какую-то грубую и мерзко пахнущую мешковину. Она заворочалась и недовольно замычала, отталкивая от себя непрошеного гостя.

– Что, познакомились уже с Рыжим, как я погляжу? – глухо засмеялся экзекутор-самочка. – Ну, добро. Коль что, меня Кузьмой кличут. А тебя как?

Отодвинувшись от немного вороха живых тряпок, коим оказался живой и смердящий, как последний бичуган, человек, Денис наконец наткнулся спиной на земляную стену ямы. Лишь почувствовав лопатками землю, успокоился и замер.

– Тебе тоже, что ли, язык отхватить, коль он тебе не надобен с добрыми людьми гутарить?

– Денис.

– О как. Чудное какое-то имечко. Точно не крымчак. Из греков, что ль? Хотя по-нашему вроде разумеешь. Хотя выговор, что и говорить, дурацкий.

Помолчали какое-то время. Денис вообще не горел желанием заводить беседы с этим типом. Зато тот, похоже, к их встрече успел подготовиться.

– Слышал ваш разговор, – плавно резанул сумрачную тишину ровный голос Кузьмы. – Я-то всегда думал, что случайных людишек в яме смертников не гноят. Что ж, времена меняются. Только знаешь что? Не твой сегодня день. Тот пан, что схватить тебя туточки удумал, одного не учел – ни хрена нас тут не трое уже. Один днем еще представился. Вон, праворуч от тебя валяется. Хорошо хоть в яме прохлаждаемся, а то по летнему времени вонять бы уж начал... Так что когда на рассвете с палачом и вправду трое встретятся. Караул-то как ему прикажут, так троих и вынет отсюда. Откуда ж ему знать, что ты думал, будто самый хитрый?

* * *

Рыжие всплески пламени вновь разогнали по закуткам ямы затопивший ее сумрак. Решетку подняли ухватами на длинных ручках и оттащили в сторону. Вслед за этим вниз опустилась кривая, хлипкая и не внушающая ни малейшего доверия лестница. То есть спровадить сюда его вполне могли и по ней. Но Гловач, видимо, очень торопился. Появление недоэскалатора сопровождала короткая команда сверху:

– Выбирайтесь.

Никто из пленников не поспешил подниматься на свет божий. Узники переглянулись друг с другом, то ли уступая очередность выхода, то ли для того, чтобы лишний раз убедиться, взглянув в лица «сокамерников», что этому вызволению никто из них рад не был. Рыжий, как и предполагал Денис, который в первый раз увидел его при свете, оказался максимально замыгзанным оборванцем. Выглядел он плохо ровно настолько, насколько и вонял. К тому же собственно рыжим вовсе не был. Светлая борода, редкие волосы, прилипшие к лысой макушке, залатанный зипун неопределенного цвета. И красное пятно от старого ожога на половину лица. Видимо, своим прозвищем он был обязан именно ему. Кузьма же, напротив, очень походил на успешного купчину. И дорогой одеждой, которую, забрасывая его в этот сортир, почему-то никто не догадался снять и присвоить, и аккуратной остриженной бородой, и сановитостью стати. Правда, глаз у него был один. Такой же черный, что и темнота их подземного пристанища, и сулящий ровно столько же неприятностей. Второй – либо то место, где он был ранее, – закрывала кожаная повязка. Волосы любитель отрывать языки отрастил до самых скул, но в заточении и грязи они слиплись и свалялись так, что было заметно – у Кузьмы не было еще и обеих ушей.

– Мне вас на аркане тащить? – недовольно прикрикнул сверху стражник, начищенная кольчуга которого в отблесках огня выглядела сверкающей чешуей. Для пущей, видимо, остротки он пристукнул рукоятью бердыша по лестнице. – Иль высыпать на вас бочку пороху и поджечь?

Кузьма, сидящий в темном закутке, с кряхтением поднялся на ноги, обвел скучающим взглядом единственного глаза обоих сокамерников и остановил взор на том, которого знал дольше. Или, судя по последовавшим затем словам, которого было меньше жаль.

– Рыжий, что развалился? Лезь.

Бомжеватый мужичок поглядел на него исподлобья, но спорить не рискнул. Кривые ступени лестницы натужно закрипели под его разваливающимися лаптями. Здраво рассудив, что следующим Кузьма пригласит на выход его, Денис двинул наверх сам. Разглядывать валяющийся около него труп не стал. Лишь слегка на него покосился, убеждаясь, что одноглазый не обманул и человек этот действительно мертв.

Наверхулюдно не было. Может, потому, что ночь хотя уже и пошла на убыль, но пока еще не позволила рассвету мазнуть серым горизонт. А может, и по той причине, что узилище было устроено на отшибе подворья.

Рыжего уже держали два стражника, выкручивая ему руки. Еще один деловито спустил вонючий зипун с его плеч. Именно на этом моменте, почувствовав тяжесть протухшей и тяжелой от грязи одежды на руках, а не на горбу, изувеченный Денисов сокамерник вдруг ужасно напрягся, принялся страшно паниковать и вырываться. Правда, сопровождавшие его конвоиры оказались к этому готовы, удержали его, повиснув на плечах, а затем пригнули вниз. А когда третий, тот, что стянул с него одежду, двинул сзади по ногам древком бердыша, заставив рухнуть на колени, Денис увидел еще одно действующее лицо. Раньше его закрывала от взора копошащаяся теперь внизу процессия. Мгновенно стало понятно преисполненное

паники поведение Рыжего. Возможности увидеть перед собой этого человека не обрадовался бы, конечно, никто.

Палач.

Здоровяк опирался на топор с широким и на вид весьма увесистым лезвием. Махать такой тяжестью в битве руки отсохнут, а долбануть раз-другой в деревянный чурбан – самое то. Закатанные рукава, запятнанный кожаный передник, а также откровенно скучающий взгляд довершали профессиональный портрет.

– Не дергайся, дурак, – прогудело откуда-то из кучерявой седой бороды заплечных дел мастера. – Помучаться хочешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.